

«Быть самым богатым человеком на кладбище для меня не важно. Ложась спать, говорить себе о том, что сделал что-то прекрасное – вот что действительно важно».

Стив Джобс

ГЛАВА II

АБАЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. РУССКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА

2.1. Отношение Абая к русскому языку и культуре

Уже давно стал хрестоматийным тот факт, что Абай Кунанбаев 11-12 лет, будучи учеником медресе Ахмета-Ризы в Семипалатинске, тайно посещал русскую школу. Возможно, тогда им двигала неосознанная до конца тяга к иным, отличным от шариата, знаниям. Повторное «возвращение» к русскому языку и через него к русской и европейской литературе состоялось в конце 70-ых годов, когда он стал целенаправленно читать на русском языке произведения русских писателей и поэтов. С тех пор все, что он писал, исходило из его твердого убеждения в том, что русский язык, овладение им посредством изучения - это единственный действенный инструмент приобщения казахского народа к духовным источникам мировой цивилизации. Абай последовательно и неустанно убеждал соплеменников, что постижение русской культуры есть верный путь для познания мира и его переустройства в интересах человека, в борьбе против притеснения народа со стороны царизма и его степных сатрапов. Овладение русской наукой и культурой, считал он, поможет «научить детей честным и разумным трудом добывать свой хлеб, пусть другие последует доброму примеру, тогда мы не

будем терпеть произвол вельможных русских, коль скоро у них нет единого для всех закона»¹.

Абай делал все возможное и невозможное, чтобы изменить коренным образом отношение казахов к русскому образованию. Чтобы добиться успеха. Он не только разъяснял своим близким, знакомым, аульчанам преимущества получения знаний на русском языке и подтверждал слова на практике (всех детей он отправлял учиться в города, соседствующие с Россией, или в саму Россию). И все это делал вопреки существующему в то время положению дела: большая часть населения воспитывалась в духе ислама, испытывала сильнейшее давление антирусской пропаганды со стороны духовенства и считала большим грехом учить детей русской грамоте. Степнякам внушалась мысль, что, если их дети получают русское образование, они забудут свою веру, обратятся в христианство и станут для казахов потерянными людьми. Абай доказывал, что такие убеждения лживы в корне: «Говорю тебе я правду, не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество. Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, то учи его и сделаешь тем, благо ему и своему народу»². Убежденность в этом Абаю явилась не вдруг, а была результатом длительного жизненного опыта.

Неоспоримым является тот факт, что именно русская культура через тесное общение с ее лучшими представителями, через вдумчивое чтение как классических произведений русской и мировой литературы оказала влияние на развитие природных задатков Абая. С одной стороны, это происходило через глубокое проникновение в смысл и содержание литературы, созданной А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, И.А. Крыловым, М.Е. Салтыковым-Щедринным, И.С. Тургеневым. С другой, он тесно дружил с представителями русской демократической интеллигенции, политическими ссыльными в Семипалатинске – Е.П. Михаэлисом, С.С. Гроссом, Н.И. Долгополовым, Н.Я.

---

¹ Абай. Слово тридцатое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

² Абай. Слово пятое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

Коншиным и Л.П. Леонтьевым, интеллигентами в истинном смысле слова, пропагандистами русской науки и культуры.

Общеизвестно, что ориентация на русскую культуру была традиционной для лучших передовых представителей казахского народа. Хан Букеевской Орды Джангир-хан, поэт Махамбет Утемисов, ученый Чокан Валиханов, его бабушка Айганым, отец, полковник Чингиз Валиханов, братья Чокана Валиханова, Абай Кунанбаев, его дети и ученики, представители абаевской школы, Ибрай Алтынсарин и первые учителя-казахи-выпускники его школ... Один из руководителей Алаш-Орды Алихан Букейханов говорил: «В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток. Наши взоры устремлены на Запад. Получить культуру мы можем оттуда, через Россию, при помощи русских»³. Абай, как и многие другие представители казахской интеллигенции, дружившие с русскими, видел в своих русских друзьях людей высокообразованных, проявлявших неподдельный интерес и уважительное отношение к истории и культуре казахского народа, его будущности. Он уважал и любил своих друзей за открытость, честность и доброжелательность. «Если прямодушный человек, мы говорим - это русский. Он не оправдывает, а презирает лицемерие». Понятно, что мыслитель говорил так, имея в виду не всех русских, а представителей революционной русской интеллигенции, тех, кого он знал по Семипалатинску, восхищался их самоотверженностью и отвагой, мужеством и жертвенностью в борьбе с самодержавием.

Он брал с них пример, учился методам и способам приобщения простых казахов русской культуре. В этом он видел один из главных путей преодоления отсталости казахской степи: «Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения»⁴. Абай понимал, что, только овладев русским языком и грамотой, можно

³ Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (Некролог) // Абай и архив - Алматы, 1995. - С. 138.

⁴ Абай. Слово тридцатое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

перейти к освоению европейских культур, изучить их опыт, чтобы использовать на благо своего народа. Но на практике он часто встречался и с другим подходом к необходимости русского образования. В казахской среде было немало и таких, кто делал карьеру на знании русского языка. Подхалимаж, неприкрытая лесть и заискивание перед царскими чиновниками плюс сносное владение русской грамотой и умение общаться на бытовом уровне открывали дорогу к преступным и потому аморальным формам обогащения и порождали широкие возможности к различного рода злоупотреблениям:

Русский выучить язык

Хочет он. Но для чего?

Составление разных просьб

Будет важно для него.

Не поймет добра и зла

Тот, чей разум не глубок.

Ждет он: час народных бед

Жирный даст ему кусок⁵.

Абаю было важно помочь своим сородичам разобраться в происходящих в степи изменениях, выбрать верные пути и способы освоения русской культуры. Он призывал молодежь ответственно относиться к своим знаниям, применять русский язык во благо, не преследовать корыстные цели. Он призывал молодежь приобретенные знания использовать только во имя честного служения родному народу:

Брата русского совет:

Если хочешь видеть жизнь,

О труде и чести помни,

И работай, и учись!

---

⁵ Абай. Русский выучить язык // Лирика. – Алматы: Жазушы, 1964. – С.23.

Через несколько лет после смерти Абая Кунанбаева Ахмет Байтурсынов посвятил его памяти большую статью, опубликовав ее в первой национальной газете «Казах» (в 3-х номерах за 1913 г). Статья носила показательное заглавие - «Казактын бас акыны» («Ведущий поэт казахов») и в ней впервые была показана роль Абая Кунанбаева в становлении казахской поэзии. Ахмет Байтурсынов раскрывает также связь Абая с русской литературой. Он считает, что именно знание русского языка позволило Абаю достаточно тесно познакомиться и с мировой поэтической культурой. По русским переводам он хорошо изучил поэтическое творчество Байрона и Гете, был неплохо знаком с античной литературой. Позже это отмечал и Мухтар Ауэзов: Абай, пользуясь лермонтовскими переводами, перевел на казахский язык несколько произведений Байрона и Гете, изучал западноевропейскую философию, Спенсера, Спинозу, Бокля, Милля, Дрепера, учение Дарвина о происхождении всего живого на земле.

Абай и в своих «Назиданиях» последовательно и целеустремленно проводил идею о насущной необходимости приобщения казахского народа к русскому языку, науке и культуре: «Главное - научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство - все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык, и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь станет легче... Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения...»⁶ (Двадцать пятое слово).

При этом он никогда не спекулировал своим знанием русского языка, терпеливо и неустанно убеждал своих сородичей в необходимости обучения русскому языку как средства овладения сокровищами мировой культуры, это было глубоким его убеждением. Доказательством тому является то, что

---

⁶ Абай. Слово двадцать пятое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

своих любимых детей - дочь Кульбадан⁷ и сыновей Абдрахмана⁸ и Магаюю⁹ - он еще маленькими отправил на учебу в Семипалатинск в русскую школу. Несмотря на то, что несправедливые действия царских чиновников порождали в казахской среде протест, и ненависть к ним распространялась на все русское, Абай знал истинное лицо ложных и настоящих друзей из русской среды, кто подлинный друг, а кто враг казахов, и в сближении казахской и русской культур он видел верный путь развития казахского народа, дорогу к цивилизованному образу жизни. Абай постоянно и последовательно отстаивал идею братства казахского и русского народов:

Прямодушному злобно кричим: «Урус»!

Знать милей нам лицемерный трус.

Заглушив человечность в наших сердцах,

Рвем своим недоверием дружбы союз...

Нет для подлинной дружбы нигде межи,

Плещут волны любви через все рубежи¹⁰.

Эту абаевскую мысль через много лет интерпретировал Чингиз Айтматов: «Если мы не сохраним приобретенную нами универсальность на почве российского просвещения, то мы многое потеряем. Два процесса должны идти параллельно: с одной стороны, развивать неповторимые в своей оригинальной природе национальные культуры и языки, с другой - общим знаменателем современной эпохи должны оставаться русская культура и русский язык... Отчуждение опасно»¹¹. Мудрость Абая проявилась в том, что в тех конкретных исторических условиях он безошибочно определил, что надежным средством выхода казахского народа на дорогу мировой цивилизации является овладение русским языком и русской культурой, братская дружба с русским народом. Он до конца дней своих был уверен в справедливости избранного пути.

⁷ Кулбадан Абайқызы (1862-1932) – дочь Абая от его старшей жены Дильды.

⁸ Абдрахман Абайұлы Ускенбаев (1869-1895) – сын Абая и его старшей жены Дильды.

⁹ Магауия Абайұлы Қунанбаев (1870-1904) – младший сын Абая и Дильды.

¹⁰ Абай. Прямодушному злобно кричим...// Абай. Лирика. – Алматы, 1964. – С.34.

¹¹ Айтматов Ч.Т. Об общности идей и культур // Известия. – 1994. – 30 ноября.

Бесспорно, что именно Абай Кунанбаев при помощи своих учеников-последователей, талантливых и одаренных детей-единомышленников и русских друзей много сделал для распространения русской культуры и через нее и западноевропейской культуры в казахской степи. Для него русский язык, русская литература и культура, прежде всего, были синонимами интеллекта, культуры и интеллигентности.

2.2. Становление творческой личности: Абай и политссылные Семипалатинска

Абай (22.08.1845 – 5.07.1904) родился в Семипалатинской области, в урочище Каскабулак Чингистауских гор в знатной семье, принадлежащей к Среднему жузу. По отцу Абай из рода Тобыкты, племени Аргын. Его прямым предком является батыр Олжай, чьи потомки в казахской истории известны как батыры, степные ораторы, поэты-трибуны и искусные мастера. Настоящее имя Абая было Ибрагим¹², но мать, бабушка Зере и другие называли ласкательным именем Абай. У мальчика было еще одно имя – Тельгара, так как он рос в ауле Улжан и Айкыз, двух жен Кунанбая, и данное имя означало, что он – сосунок двух матерей. Отец его Кунанбай (1804-1886) был известной личностью, оставившей след в истории. Он не принадлежал к аксуйек («белой кости»), не был чингизидом, но, получив от своего отца бия Ускенбая власть над аулами тобыктинцев, стал ага султаном Каркаралинского уезда, до самой смерти, а после него его дети и внуки вплоть до октябрьской революции исполняли обязанности биев и старших султанов в своих округах. По линии матери Улжан также несколько предков Абая были известными и авторитетными биями в степи¹³.

---

¹² Говорят, что наречению поэта таким именем предшествовал вещий сон его отца – Кунанбая, которому во сне явился аруах одного из ярких представителей племени Тобыкты – мыслителя и философа Аннет бабы, который назвал родившегося сына Кунанбая Ибрахимом.

¹³ Мать Абая Улжан (1810-1887) была из богатого и знатного рода шаншар, происходящего из племени каракесек. Этот род всегда славился своим острым языком, знаменитыми розыгрышами. Прадедом Улжан был Бергис би, обладавший ораторским талантом, незаурядным ум и мудростью, славившийся умением решать сложные споры между племенами. Должность «би» не передается по наследству, биями становятся

Как и все дети Кунанбая, Абай обучался арабской грамоте у местного муллы, знавшего русский язык татарина Габитхана, а в десять лет на три года Абай был отдан в школу-медресе семипалатинского имама Ахмета-Ризы. В медресе помимо ислама Абай изучал арабский язык, фарси, лирику восточных классиков, арифметику, географию, историю. Причины отрыва Абая из медресе до сих пор неясны, Кунанбай решил использовать знания сына в практической деятельности бия.

В семипалатинский период учебы Абай тайно несколько месяцев посещал русскую приходскую школу. Подробности его обучения на русском языке неизвестны, но надо отметить, что это был мужественный поступок со стороны Абая. Позже он продолжил самообразование, общаясь со ссыльными деятелями освободительного движения, работая в библиотеке в Семипалатинске, изучая доступные ему книги и периодику. Он углублял свои знания в области восточной литературы и философии, открывал для себя русскую и европейскую культуру и литературу (в том числе изучал сочинения основоположников позитивизма), увлеченно занимался переводами с русского языка на казахский язык отдельных произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других, а также создавал собственные оригинальные произведения, широко распространявшиеся по степи благодаря сложившимся традиционным формам и отшлифованной технике запоминания и передачи устной информации. Он в совершенстве овладел русским, арабским, персидским, турецким и татарским языками. Он изучил русскую и через нее западную и античную литературу, знал в оригинале арабско-персидский героический эпос и произведения великих классиков Востока, поэзию Турции. Кроме того, Абай хорошо освоил труды философов, как восточных, так и европейских. Определенное влияние на свободолобное творчество и личность мыслителя оказало его знакомство с

благодаря своим личностным качествам. У Турпана, отца Улжан, были родные братья – Контай и Тонтай. Они выделялись особым пристрастием к шуткам. Улжан не уступала им в остроловии. Такие качества великого поэта, как остроумие, способность в саркастической форме высмеять людские недостатки, унаследованы Абаем от нагаши по материнской линии.

представителями интеллектуальной элиты политических ссыльных.

Особенно сблизился Абай со ссыльным Евгением Петровичем Михаэлисом¹⁴

---

¹⁴ Евгений Петрович Михаэлис родился в Петербурге 26 сентября 1841 года в дворянской семье. Учился в Петербургской гимназии, в Александровском лицее, затем на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, был участником всех студенческих сходок. Он выделялся среди товарищей по университету умом, красноречием и силой характера. Е.П. Михаэлис был знаком с Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, И.А. Гончаровым и другими общественными писателями и деятелями. Осенью 1861 года в Петербургском университете началась демонстрация протеста против установленных в университете царской администрацией новых порядков, ущемляющих права студентов. Новыми правилами запрещались сходки; упразднились публичные лекции, которые читали профессора для увеличения средств студенческой кассы, а также концерты, которые давали порядочный доход; упразднялась студенческая корпорация; всем студентам на руки должны были выдать матрикулы - особые книжки, служившие «видом на жительство». Чтобы прекратить сходки, 25 октября 1861 года администрация закрыла университет. По поводу этого события была организована демонстрация, которую возглавили Михаэлис, Утин, Ген, Стефанович. Были арестованы более 300 студентов, в том числе и Е.П. Михаэлис. Он был сослан в Петрозаводск Олонецкой губернии, а оттуда, в 1863 году - в город Тару Тобольской губернии под строгий надзор полиции. В 1869 году Михаэлису было позволено выехать на место жительство в Семипалатинск. С разрешения генерал-губернатора Западной Сибири он был принят 22 ноября 1869 года на должность помощника делопроизводителя хозяйственного отделения Семипалатинского областного правления.

Начальство сразу обратило внимание на ум и способности Евгения Петровича, так как в Семипалатинске в то время было мало образованных людей. Поэтому в апреле следующего года он допускается к исполнению должности младшего чиновника особых поручений. И вскоре ему поручается «изыскать направление для предполагаемой почтовой дороги между Семипалатинском и Каркаралами». С этой точки зрения он изучил старые караванные пути, проложенные торговыми людьми и кочевыми народами, наличие населенных пунктов, водных источников, кормовой базы для лошадей, рельеф местности, животный и растительный мир, климатические особенности, открыл угольно-сланцевые копи в Восточном Алтае.

В 1886 году статья Е.П. Михаэлиса о ледниковом периоде на Алтае была напечатана в одном из научных журналов Англии «Nature». Он занимался вопросами использования Иртыша как водной артерии, собрал «ценный материал для составления навигаторской карты Иртыша на протяжении Семипалатинск - озеро Зайсан и значительные энтомологические коллекции». Е.П. Михаэлис был редактором «Семипалатинских областных ведомостей» со 2 октября 1875 по 15 июня 1878 года. Не случайно в этот период на страницах газеты помимо официальных сообщений появляются статьи краеведческого характера.

С образованием в 1878 году в Семипалатинске областного статистического комитета его первым секретарем становится Е.П. Михаэлис. Статистический комитет являлся почти единственной организацией, ставившей целью своей работы, кроме прямых задач, изучение края.

По инициативе и под руководством Михаэлиса в Семипалатинске в марте 1882 года была проведена однодневная перепись населения города, результаты которой имели большую общественную значимость. Он был хорошим знатоком устной поэзии казахов. И именно благодаря ему был открыт русской культуре Абай Кунанбаев. Их отношения переросли в дружбу. Знакомство Михаэлиса с Абаем произошло в Семипалатинской общественной библиотеке. Абай просил у библиотекаря номер журнала «Русский вестник», в котором было напечатана повесть Л.Н. Толстого. Михаэлиса заинтересовал казах, читающий в оригинале Л.Н. Толстого и взволнованно говоривший о справедливости, о судьбе своего народа, о честном служении ему. А сам Абай говорил, что Михаэлис «сделал для меня больше, чем родной отец». В течение ряда лет, пока Е.П. Михаэлис жил в Семипалатинске, Абай Кунанбаев виделся с ним почти ежедневно в зимнее время.

В произведении Мухтара Ауэзова «Путь Абая» Евгений Петрович Михаэлис выведен под фамилией Е.П. Михайлова. Герой похож на своего прототипа внешне (открытый лоб, мужественное и вдумчивое лицо, широкая темная борода). И это не единственное обращение к образу Е.П. Михаэлиса в литературе. Автор романа «Отцы и дети», Иван Сергеевич Тургенев, при создании образа Базарова списал отдельные черты с Михаэлиса. Об этом рассказывала дочь Е.П. Михаэлиса Людмила Евгеньевна, а ей об этом говорил отец, вспоминает и его сестра, писательница Л.П. Шелгунова. Хотя сам Михаэлис не был согласен со взглядами Базарова на отрицательное отношение к литературе и искусству и не раз спорил с Тургеневым.

В 1881 году Михаэлис исполнял обязанности семипалатинского уездного судьи и областного прокурора. Юридический сборник «Степное положение о киргизах» написан при непосредственном его участии. В 1882 году Е.П. Михаэлис, формально освобожденный в 1878 году от полицейского надзора, переезжает в Усть-Каменогорск, чтобы заняться научной работой и пчеловодством.

(1841-1913 гг.). Михаэлис был сослан в Семипалатинск в 1869 году, был определен помощником делопроизводителя в областном правлении. В 1879 г. он был освобожден от полицейского надзора, в 1881 – 1882 гг. временно исполнял обязанности уездного судьи и областного прокурора. Знакомство Абая и Михаэлиса состоялось в библиотеке, открытой при активном содействии русского политехссыльного¹⁵. Абай часто посещал библиотеку, о чем свидетельствуют современники поэта. Мухтар Ауэзов в «Пути Абая» рассказывает об этом, опираясь на воспоминания современников Абая: «Библиотекарь, скромно одетый старичок с острой седенькой бородкой и морщинистым лицом, приветливо встретил Абая как старого знакомого. Недалеко от входа за столом сидел чиновник с пышными кудрявыми

Оригинальный и своеобразный, он невольно обращал внимание всех, кто с ним встречался, а тем более имел возможность беседовать. Он в совершенстве владел французским и немецким языками, а английский выучил по самоучителю. Журналы и книги на английском языке он читал свободно. Евгений Петрович внимательно следил за новинками литературы, которой снабжали его петербургские друзья и сестра Л.П. Шелгунова, выписывал журналы «Русская мысль», «Вестник иностранной литературы», «Вестник Европы» и другие. Вел переписку с Д.И. Менделеевым, А.О. Ковалевским, Л.Ф. Пантелеевым, Н.В. Шелгуновым, В.В. Сапожниковым и многими другими известными людьми того времени.

В 1883 года Евгений Петрович занимается изучением моллюсков на Южном Алтае, составил подробное описание моллюсков в Южном Алтае. Его труд по конхиологии был опубликован Академией наук России, а для зоологического музея академии Михаэлис пожертвовал ценную коллекцию зоологических предметов, собранную в окрестностях Усть-Каменогорска. Другая его коллекция моллюсков заняла достойное место в зоологическом музее Берлинского университета.

Михаэлис создал лодку собственной конструкции и в 1889 году совершил плавание вверх по Иртышу и озеру Зайсан. Со своим другом- пчеловодом А.Н. Федоровым построил улей своей конструкции, назвав его «Алтайским». В дипломе, выданном его изобретателям на Всероссийской нижегородской выставке в 1896 году, отмечалось: «Присуждена серебряная медаль Е.П.Михаэлису и А.Н.Федорову, Семипалатинская область, г.Усть-Каменогорск за хорошее приготовление и за распространение рационального пчеловодства». Им также были сконструированы модели дрог и русской печки, в горах Восточного Казахстана им открыто несколько месторождений, богатых золотом.

По воспоминаниям современников Михаэлис жил довольно скромно. В его доме были кабинет, столовая, спальня и небольшая комнатка, где жила мать его жены. Он был дважды женат. Первая его жена, Наталья Никитична Алексеева, умерла в Усть-Каменогорске. Потом он женился на казачьей вдове Елизавете Алексеевне Косихиной, урожденной Фокиной. От совместного брака у них родилась дочь - Людмила. В Усть-Каменогорске Михаэлис прожил 31 год, не теряя в то же время связи с Семипалатинском.

Умер 2 декабря 1913 года от паралича сердца в возрасте 72 года и похоронен в городе Усть-Каменогорске.

¹⁵ По архивным данным в год открытия библиотеки (3 октября 1883 года) книжный фонд составлял 274 экземпляра книг. Сегодня, книги времен Абая и книги, которыми он пользовался, стали раритетом. Они хранятся в фонде редкой книги Универсальной библиотеки его имени. Среди них: Льюис Д. Г. «Изучение психологии: ее предмет, область и метод», 1880 года; Милль Дж. Ст. «Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях», 1869 г.; Спенсер Г. «Основания социологии», 1876 г.; Рабле Ф., Монтень М. «Мысли о воспитании и обучении», 1896 г.; Смайльс С. «Самостоятельная деятельность» (1888 г.); Карамзин Н.М. «История государства российского», 1845 г.; «Илиада» Гомера в переводе Гнедича; Уоллэс А. «Дарвинизм. Изложение теории естественного подбора», 1898 г.; «Философские течения русской поэзии» сост. Перцов П. (1899 г.); Сочинения Лорда Байрона (1894 г.), Лессинга (1882 г.), Рикардо Д. (1882), Кольба Ф., Платона (1863 г.), Толстого Л. (1889), Пушкина А. (1887), и другие.

Важное место среди изданий библиотеки занимали и литературно-научные и политические журналы: «Вестник Европы», 1896; «Северный вестник», 1890; «Современник», 1851 года издаваемый И. Панаевым и Н. Некрасовым; Журнал истории, политики, литературы, 1888 г.

волосами и лихо закрученными усами. Он поглядывал масляными глазками на свою соседку, нарядно одетую молодую женщину, видимо, даже здесь, в библиотеке, продолжая свое ухаживание. Едва Абай вошел, как он указал ей на него и довольно громко, с явным расчетом на то, чтобы остроту его услышали остальные, процедил сквозь зубы:

- Удивительно... с каких пор в Гоголевскую библиотеку стали пускать верблюдов.

Кое-кто из молодых читателей, подняв глаза и увидев казаха в широком степном чапане, фыркнул. Женщина нахмурила брови и залилась краской, укоризненно взглянув на остряка. Абай резко повернул голову, но, поборов мгновенную вспышку гнева, спокойно ответил:

- А почему бы не зайти сюда верблюду, господин чиновник, если здесь уже сидит осел?

На этот раз рассмеялись все»¹⁶

Об Абае как читателе говорится и в воспоминаниях Джорджа Кеннана, американского корреспондента, путешествовавшего по Сибири и Алтаю. А.В. Леонтьев, познакомившись с Дж. Кеннаном, сообщил ему об удивительном казахе, который не только посещает библиотеку, но и читает таких авторов, как Милль, Бокль, Дрэпер. Дж. Кеннан, встретившись с Абаем и восхитившись его познаниями в области наук, написал о нем в своей книге «Сибирь и ссылка», там же он описал и библиотеку Семипалатинска: «Скромное деревянное здание посередине города с уютной читальней, где можно найти все русские газеты и журналы и весьма недурной подбор книг. ...С удивлением я видел сочинения Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Леббока, Тейлора, Тексли, Дарвина, романы и повести Скотта, Диккенса... Подобный подбор книг делает честь интеллигенции и вкусу тех, кто его произвел и кто пользовался этими книгами. Благодаря книгам у меня

---

¹⁶ Ауэзов М. Путь Абая: роман-эпопея. – кн.2. – Алматы: Ана тілі, 1997. – С.156.

составилось лучшее мнение о Семипалатинске, чем на основании того, что я до сих пор видел и слышал»¹⁷.

Семипалатинская библиотека, ставшая источником знаний Абая Кунанбаева, начиная с середины 1880-ых годов, была открыта 20 сентября 1883 года по инициативе политических ссыльных народовольца А.Л. Блека, А.А. Карелина, Н.И. Долгополова. Но наиболее активной и действенной была помощь Е.П. Михаэлиса, ученика Н.Г. Чернышевского. Именно русские политссыльные обратились к состоятельным купцам города о благотворительной помощи. Абай познакомился с Михаэлисом и другими русскими политссыльными в библиотеке, и дружба со многими из них длилась до самой смерти казахского поэта. Известно, что в 1893 г. Абай несколько дней гостил у Михаэлиса в Усть-Каменогорске. Михаэлис помогал Абаю в его самообразовании, в ориентации в русской культуре и литературе, но и сам обогащался глубоким знанием Абая культуры, обычаев, обычного права казахского народа и народов Средней Азии. А. Букейханов писал, что Абай «был поклонником Толстого Л.Н. и Салтыкова М.Е.» и до конца своей жизни всегда с благодарностью вспоминал Михаэлиса, «приписывая ему все свое образование, и говаривал: «дүниеге көзімді ашқанға үлкен себепкер болған - Михаэлис» (Михаэлис открыл мне глаза на мир)¹⁸. Другим политссыльным, оказавшим большую помощь в приобщении к русской культуре, был Северин Северинович Гросс (1852-1896)¹⁹, поляк по

¹⁷ Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. – СПб, 1906. – С.84–85.

¹⁸ Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (Некролог) // Абай и архив / Главное управление архивами и документацией при Кабинете министров Республики Казахстан / Ответственный редактор Н. Шакеев. Составитель С. Байжанов. Алматы: Гылым, 1995. - С. 138.

¹⁹ в 80-90-е гг. XIX в. на Алтае находилось 11 польских политических ссыльных, основным городом их проживания являлся Усть-Каменогорск, определенный решением Совета по тюремным делам Министерства внутренних дел в 1882 г. как место ссылки в Степном крае, и Семипалатинск. Как известно, одним из проявлений разносторонней общественной деятельности политссыльных являлось научное изучение Алтая, в котором приняли участие польские ссыльные. Ярким проявлением их научно-исследовательской деятельности было участие в работе Семипалатинского статистического комитета, созданного в 1878 г. в Семипалатинске. Ссыльные, находившиеся в Усть-Каменогорске или в Усть-Каменогорском уезде, имели возможность совершать поездки, экспедиции по заданию комитета, периодически приезжая в Семипалатинск. В работе комитета активно участвовал Северин Северинович Гросс, высланный 13 января 1882 г. за участие в деятельности социал-революционной гмины в Вильно в Западную Сибирь на 5 лет под надзор полиции, водворенный сначала в Ишим Тобольской губернии, в 1883 г. - в Семипалатинск, в 1865 г. - Усть-Каменогорск и в поселок Ульбинский Усть-Каменогорского уезда. Он занимался изучением обычного права казахов, объехал в 1883-1885 гг. Канонирское, Большенарымское, Владимирское селения, Донскую и

национальности, выпускник юридического факультета Петербургского университета, лично знакомый в Петербурге с А.Ф. Кони, А. Спасовичем и другими видными юристами. Гросс работал над брошюрой «Юридические обычаи киргиз» и, несомненно, консультировался по этим вопросам с Абаем. Как видим, представители русской интеллигенции, волею случая оказавшиеся в Семипалатинске и ставшие лучшими друзьями казахского поэта, стали проводниками русской и европейской культуры в Казахстане.

С 15 лет, после возвращения из медресе, Абай по настоянию отца присутствовал на судебных разбирательствах. В 20 лет он был известен как хороший оратор и знаток обычаев степи, выступал в роли третейского судьи в спорах между родами, аулами, отдельными семьями. Об авторитете Абая-бия свидетельствует и то, что он неоднократно избирался посредником-примирителем (тобе-бием) при спорах представителей разных уездов. Абай продолжительное время (более восемнадцати лет) занимал должность судьи (бия) и волостного управителя. В рапорте, подписанным генерал-майором Галкиным от 25 августа 1903 г. на имя военного губернатора Семипалатинской области, отмечается, что «Ибрагим Кунанбаев имеет от роду 60 лет, женат на 3 женах, от которых имеет около 20 человек детей, обладает состоянием 1000 лошадей и 2000 баранов, человек он весьма развитый и умный, служил 2 трехлетия бием и три трехлетия управителем Чингизской волости, затем одно 3-летие прослужил Управителем Нукурской волости по назначению от правительства. Служба Кунанбаева отличалась разумною исполнительностью и энергией, преданностью правительству и отсутствием фанатизма»²⁰.

При разборе того или иного дела Абай проявлял превосходное знание правовых степных обычаев, тщательно работала над сбором необходимых сведений, проводил многочасовые беседы с обеими сторонами, чтобы прийти

Семиарскую станицы. Материал, собранный Гроссом, вошел в 1-й выпуск исследования «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Материальное право», изданный в 1886 г.

²⁰ Конфиденциально. М.В.Д. Семипалатинского Уездного Начальника августа 25 дня 1903 г. № 48. Г. Семипалатинск. Господину Военному Губернатору Семипалатинской области. Рапорт Уездного управителя Навроцкого. Подписал Генерал-майор Галкин // Абай и архив. Алматы: Гылым, 1995. - с. 133.

к справедливому решению. Его стремление беспристрастно установить действительных виновных нравилось не всем, особенно тем, кто, опираясь на свое знатное происхождение и богатство, творил бесчинства и надеялся уйти от наказания. Алихан Букейханов, один из первых биографов Абая, писал: «Нет сомнения в том, что Абай в старое время оправдал бы пророчество родной степи: сделался бы бием, право судить которого создавалось не формальным избранием, а признанием его таланта, как устанавливается слава писателя и артиста. Новое время, характерное успехами и упрочением в степи ислама, обратило внимание Абая на знания, заключающиеся в книгах на арабском, персидском и тюркском языках. Благодаря досугу и способностям, он самоучкою достиг того, что выучился арабскому и персидскому языкам, на которых свободно читал, и приобрел имя знатока священных книг»²¹.

В конце 70-начале 80-ых годов XIX века Абай много занимался составлением законов, по которым в казахской степи, в частности, среди племен и родов Среднего жуза осуществлялось обычное право. В 1885 г. в местечке Карамола на берегу реки Чар (поэтому документ был назван «Чарским положением») был принят один из первых правовых документов на казахском языке, изданный типографским способом и распространенный среди населения. Как пишет д.ю.н., проф.С.Ф.Ударцев, в книге «Мыслитель, судья, законодатель» (Ростов-на-Дону-Астана-Армавир, 2007 г.), этот документ представлял собой свод обычаев и законов степи, был принят на чрезвычайном съезде более ста биев ряда уездов Семипалатинской области. По предложению военного губернатора Семипалатинской области бии избрали своим председателем на съезде сорокалетнего Абая, признав его эрудицию и ораторские способности. Есть данные о том, что именно Абаем разрабатывался представленный на съезд этот документ и что он огласил подготовленный нормативный акт, состоявший из 93 статей (параграфов),

---

²¹ Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (Некролог) // Абай и архив / Главное управление архивами и документацией при Кабинете министров Республики Казахстан / Ответственный редактор Н. Шакеев. Составитель С. Байжанов. Алматы: Гылым, 1995. - С. 139.

который был единодушно одобрен присутствующими²². В законоположении предпринималась попытка синтеза обычного права казахов и некоторых положений российского законодательства, что должно было обеспечить преемственность развития права и в то же время некоторое сближение законов степи и законов российской империи в варианте, приемлемом для нормального и естественного в целом развития казахского общества. В заключительном параграфе 74 говорится, что ереже составлено «по народному обычаю и по совести нашей и по справедливости»²³.

По мнению проф. С.Ф. Ударцева, в этом документе полностью проявился гуманизм и альтруизм Абая. Ереже (положение) было ориентировано на воспитание и стимулирование взаимопомощи людей, их взаимной поддержки в сложных ситуациях. Так, согласно параграфу 35 виновные в неоказании помощи утопающим, во время бурана и т.п. должны были быть подвергнуты «взысканию по большей девятке скота». В ряде параграфов ереже проявлялась и его общесоциальная направленность. Так, вводилась ответственность за неприятие мер против гибели, упадка скота, мер, препятствующих распространению эпидемии, за порчу арыков, колодцев, мостов и других общественно необходимых сооружений.

В этом нормативном документе были введены статьи, которые должны были защитить, оградить от притеснений царской администрации казахское население – свои суды, свои законы, привлечение мул в качестве посредников и принимавших присягу, ведение метрических книг «по-киргизски», непризнание в суде биев профессиональных адвокатов, а качестве доверенных лиц – недопущение русских и татар (допускались доверенные казахи из того же уезда), и т.д. Без сомнения, на составление этого документа. Равно как и на становление общественной позиции Абая несомненно огромную роль сыграли его русские друзья Е.П. Михаэлис, Н.И. Долгополов, С.С. Гросс и А.В. Леонтьев.

²² Ударцев С.Ф. Абай Кунанбаев: мыслитель, судья, законодатель // В кн.: Гении культуры: Пушкин и Абай. Мәдениет данышпандары: Пушкин және Абай. - Ростов-на-Дону – Астана – Армавир, 2007. - С. 229.

²³ Законоположение, созданное в Карамоле // Абай и архив. - Алматы: Гылым, 1995. - С.62- 63.

2.3. Абай и русская литература: пушкинские традиции в лирике

Абая

Хотя Абай начал писать стихи с десяти лет, серьезное обращение к литературе состоялось под влиянием той творческой атмосферы, в которую он окунулся благодаря своим русским друзьям. Долгое время Абай скрывал свое увлечение поэзией из-за общепринятого среди степной аристократии мнения о несерьезности ее для мырзы, тюбе-бия. В 1860-1880-ых годах Абай свои стихи сочинял и распространял от имени Кокбая²⁴. Осознание того, что «не для забавы слагает стих», пришло к Абаю в начале 80-ых годов XIX века. Он женился на Айгерим²⁵, которая напоминала первую любовь в юности Тогжан²⁶, отделился от аула старшей жены Дильды²⁷ и нашел покой и вдохновение в Жидебае, который стал для казахов казахской Меккой. Абай постепенно отходит от исполнения своих обязанностей бия и посвящает все свое время литературе. Он серьезно занимается русским языком, читает все произведения русских писателей в оригинале, что не может не отразиться на его поэтике, которая испытывает благотворное влияние русской классики в выработке нового классического стиля, необходимого для письменной литературы, новых способов и средств выражения, новых художественных изобразительно-выразительных приемов.

Абай становится духовным и профессиональным ориентиром новой казахской литературы. Его поэзия приобретает простоту, соразмерность, естественность и красоту, то есть он за короткое время проходит путь

---

²⁴ Кокбай Жанатайулы (1864-1927) – акын. Один из друзей Абая, автор «Грамматики арабского языка». дастанов «Сабалак» (о хане Аблае), «Кулынды» и др., участник знаменитых айтысов, после смерти Абая основал в своем ауле медресе и учил детей. Позже оказал неоценимую помощь в составлении биографии Абая, в восстановлении его стихов.

²⁵ Айгерим (настоящее имя Шукиман) родилась в 1856 году, скончалась в 1919 году, любимая жена Абая. Абай женился на ней в 1875 году. В их семье было четверо детей: Турагул, Мекайыл, Изкайил, Кенже. Айгерим великолепно исполняла песни Абая, особенно, песни Татьяны.

²⁶ Тогжан (годы жизни и смерти неизвестны) – дочь Сюйиндика, первая юношеская любовь Абая, была засватана за юношу другого рода. Абай ей посвятил песню «Сап, сап, конлім, сап, көңлім» / «Успокойся, успокойся, сердце»

²⁷ Дильда Алшынбай-кызы (1843-1924) – старшая жена Абая, байбише. Была засватана Кунанбаем для 15-летнего сына в 1860 году, ей был выстроен дом в Акшоке. От брака с Дильдой у Абая было шесть детей: Акылбай, Хакимбай, Абдрахман, Магауия, Кулбадан и Райхан.

постижения пушкинской гармонии стиха. Ф.М. Достоевский в своей речи о Пушкине сказал, что тот «первый заговорил самостоятельным и сознательным русским языком»²⁸. Как и его учитель, Абай действительно обладал особым чутьем к слову, он извлекал из него наибольшую семантическую возможность, когда каждое слово могло заменять своей ассоциативностью в силу своей многозначности целое описание.

В книге М. Мырзахметова «Мухтар Ауэзов и проблемы абаеведения»²⁹ (на казахском языке) указывается, что к настоящему времени установлено 230 стихотворений, принадлежащих Абаю. Ясно также, что дело отнюдь не в количестве строк. Лирика Абая тоже многообразна, емка, насыщена и глубока. При рассмотрении проблемы влияния Пушкина на поэзию и прозу Абая нужно иметь в виду, что Абай, в отличие от Пушкина, был трагически одинок в выполнении своей миссии, школа, ученики, последователи появятся позже, в конце 90-ых – начале 900-ых годов. Осмысливая по-новому задачи поэзии и, шире, письменной литературы, Абай избирает ее эстетический акцент. Абай, переосмыслив опыт национальной поэзии (в первую очередь, казахских жырау) и иноязычной (восточной, русской, а через нее и европейской), выделил в них то, что обладает ценностной эстетической значимостью. Он вслед за Пушкиным вводит в текст повествователя и читателя, отделив их от себя как автора, поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что никто из казахских поэтов до Абая не дистанцировался от повествователя и слушателя. Показательна в этом отношении его сатира «Наконец волостным я стал...» («Болыс болдым, мінеки...»), написанная в 1889 году под свежим впечатлением от чрезвычайного съезда казахских родов Семипалатинской и Семиреченской областей, где были избраны волостные управители. Это - беспощадная сатира на систему местного управления, на тогдашние социально-политические порядки, написанная в форме монолога самого волостного. К

²⁸ Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. - т. 26.- Л.: Наука, 1984. - С.130.

²⁹ Мырзахметов М. Мухтар Ауэзов и проблемы абаеведения. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 292с.

власти приходит тот, у кого есть деньги, кто не скупится на взятки, чтобы добыть голоса. Абай называет все нечестные способы достижения карьеры: завоевав власть, можно беззастенчиво грабить других. Волостной одержал победу на выборах, где не ценятся человеческие достоинства, деловые качества. Он теперь готов юлить перед уездным начальством, ругая непокорный народ. Абай отдаляет себя как автора от повествователя («айтушы»), который в каждой ситуации по-разному соотносится с автором, то есть с Абаем. Думается, такая полифоническая структура этой сатиры была введена казахским поэтом, уже хорошо знакомым с русской литературой, и не только с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым, но и Н.А. Некрасовым и с его сатирами. Для Некрасова сатира была не только средством обличения, но и возможностью освобождения от традиционных литературных канонов. Абаевская сатира «Наконец волостным я стал...» несомненно испытала влияние некрасовской «Современной оды» (она вошла в сборник Некрасова 1856 года, который, скорее всего, был знаком Абаю как читателю Семипалатинской библиотеки), и сатиры «Секрет (опыт современной баллады)». Сатиры Некрасова о фарисейском лицемерии «ликующих, праздно болтающих, обогрязших руки в крови» имеют явную связь с гоголевской традицией, и поэтому есть повод говорить и о гоголевском опосредствованном влиянии на поэтику Абая. Его сатира-монолог так же представляет монолог, построенный на интонациях сказа (как и гоголевские повести). Его рассказ-признание рассчитано на устное произнесение, на чтение вслух, отсюда и экспрессия живой повествовательной речи.

Социальная лирика Абая, в отличие от его предшественника Махамбета, о котором он знал и, возможно, слышал его бунтарские стихи, философична, сдержанна и наполнена внутреннегo негодования, экспрессии, в этом отличие стихов Абая от традиционной для его времени манеры выражения протеста, несогласия. Он, как мудрец-философ, резюмирует увиденное, выводы его горьки, но справедливы, требуют времени,

напряжения умственных и физических сил, чтобы понять, осмыслить, сделать выводы и решиться на действие. Это - не рефлексия, привычная для казаха, острого на язык, скорого и меткого в выражениях, в этом скорее всего можно усмотреть традиции русских поэтов, размышляющих о горестной судьбе своего народа-горемыки:

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь – на правой щеке, на левой – жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.
Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ,
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не возьмет.
Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя –
В униженье, в страхе ты будешь всегда³⁰.

В стихотворении «Қалың елім, қазағым, қайран жұртым...» («О казахи, мой бедный народ...»), написанном в 1886 году, поэт в форме философских размышлений осуждает пороки современного ему казахского общества, раздираемого межродовой борьбой, распрями. Он с болью в душе говорит о том, что в степи нет единства, порядка, везде разлад, «из-за денег и власти кипит вражда», и делает неожиданный для представителя степной аристократии вывод о том, что «не надеюсь на исправленье твое, коль судьбу свою в руки народ не возьмет». В этом можно увидеть непосредственное влияние его русских друзей и, несомненно, лирики М.Ю. Лермонтова («Родина», «Прощай, немытая Россия...»), Н.А. Некрасова («В дороге», «Огородник», «Тройка» и др.).

---

³⁰ Абай. О казахи мои! Мой бедный народ! // Абай. Лирика. – Алматы, 1964. – С.18.

В такой атмосфере участь одного из первых (и на тот момент, возможно, единственного такого масштаба) казахского интеллигента представляется еще более драматичной. Если русские писатели сетовали на недостаток общения с себе подобными, на отсутствие условий для творчества и полноценной самореализации, то Абай был лишен таковых вовсе. О чем горько и откровенно говорил в своих стихах о поэте и поэзии. В лирике Абая особое место занимает стихотворение «Өлсем, орным кара жер, сыз болмай ма?» («Когда умру, не стану ль я землею?»), написанное в 1898 году. Небольшое по объему (всего 28 строк), оно вмещает в себя целую человеческую жизнь, полную невзгод, борьбы за сохранение человеческого достоинства и воспринимается как исповедь «человека-загадки» (так Абай называет себя), как честный, искренний разговор о себе с потомками. В этой поэтической миниатюре можно обнаружить прямые переключки с «Памятником» А.С.Пушкина и со стихами М.Ю.Лермонтова о поэте и его предназначении в этой жизни. Один из казахских исследователей творчества Абая писатель Такен Алимкулов, написавший о нем роман-исследование «Человек-загадка», считает, что «об этом стихотворении можно бы написать книгу»³¹. Абай подчеркивает свое трагическое одиночество, физическое ощущение им молчания, тьмы, разлитых вокруг:

Пожалей, потомок, того,
Кто скорбен был и одинок...
Боролся с тьмой как мог... Не обессудь!
Суди, но помни: пусть страшна вина –
За грех один карать е нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна³².

Абаевская исповедь по своей сути трагична. В отличие от своих учителей Пушкина и Лермонтова Абай – человек другой, восточной цивилизации, иной ментальности и другой эпохи. Для А.С. Пушкина поэзия

³¹ Әлімқұлов Т. Жұмбақ жан: Зерттеулер мен мақалалар. – Алматы: Жазушы, 1978. – 367 б.

³² Абай. Когда умру, не стану ль я землею? // Абай. Лирика. – Алматы, 1964. – С.8.

- дар, приходящий легко и естественно. М.Ю. Лермонтов верил в то, что в его век «позорно малодушных» людей лишь поэзия избавляет человека от страданий, приход к вере, к гармонии. Он знал безграничные возможности поэзии, призванной объединять людей. Именно вера в «из пламя и света рожденное слово» спасала поэта в трудные моменты жизни, не позволяла скапсису и отчаянию взять верх над его душой. К такому же светлому выводу после долгих мучительных раздумий приходит и сам Абай: он верит в праведность избранного пути и верит в бессмертие своих стихов:

Өлең шіркін - өсекші, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей³³.

Известно, что перед Абаем стояла задача раздвинуть границы казахской литературы, ее привычные возможности, приобщить ее к государственным проблемам, впервые в казахской литературе он поднимается в «Гаклия» до вопросов национальной судьбы, поднимая эти темы в своих художественно-философских размышлениях и одновременно делая их центром лирических произведений. Он создал под влиянием Пушкина и Лермонтова классический стиль, который охватил все формы письменного слова того времени: философию, историографию, очерки. Не случайно «Назидания» поэта являются предшественницей казахской прозы именно в стилевом отношении. После появления этого необычного по жанру произведения Абая прозаические формы, которые раньше были на периферии казахской литературы, выдвигаются теперь на первый план, они получают статус, сравнимый с поэзией. Но классический стиль, сложившись прежде всего в поэзии, вносит в них лаконизм, концентрированность смысла в границах одной фразы, т. е. принципы, выработанные прежде стилем поэтическим. В современной ему и предшествующей казахской и русской литературе Абай творчески заимствовал то, что наиболее соответствовало духу национальной словесности.

---

³³ Абай. Өлең шіркін – өсекші // <http://sites.google.com/site/abai1845>

В стихотворении «Өлең — сөздің патшасы, сөз сарасы» («Поэзия – властитель языка...») Абай использует пушкинские интонации, чтобы ответить себе на вопрос, какой должна быть поэзия: она должна властвовать над умами, ласкать сердце, наслаждать слух («Тілге жеңіл, жүрекке жылы тиіп, / Теп-тегіс, жұмыр келсін айналасы»), быть благородно простой и лаконичной. Абай-поэт предупреждает, что

Іші алтын, сырты күміс сөз жақсысын
Қазақтың келістірер қай баласы?

Интересен перевод на русский язык этих строк Абая В.Звягинцевой:

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

Она при переводе использует прием расширения значений, зрительно увеличивает объем, добиваясь метафорической глубины перевода.

Абай обладает особой властью над словом. Его гениальная простота достигается извлечением из слова его наибольших семантических возможностей. В двух-трех строках Абая помещается целое живописное полотно, или одна строка настолько многозначна и многосмысленна, что потрясает своей ассоциативной неожиданностью: «Ішім өлген, сыртым сау» (Внутри я мертв, хотя внешне здоров). В этой одной строке можно обнаружить пушкинскую глубину, Абай, как и его учитель А.С. Пушкин, говорит о несостоявшихся мечтах и разрушенных планах. Пушкинское начало, прежде всего, «угадывается» в стихах Абая о роли поэта в жизни общества. В 1889 году Абай пишет цикл стихов, названных им «Сегіз аяқ» («Восьмистишия»). Этот цикл состоит из 25 строф по восемь стихов в каждой (Абай творчески использует через А.С. Пушкина европейскую строфу - октаву) со своеобразной рифмовкой: аа бввб сс:

Алыстан сермеп,
Жүректен тербеп,

Шымырлап бойға жайылған;
Қиуадан шауып,
Қисынын тауып,
Тағыны жетіп қайырған,
Толғауы тоқсан қызыл тіл,
Сөйлеймін десең, өзің біл³⁴.

В переводе Л. Озерова сохранены многие интонационные особенности
данного восьмистишия:

Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать,
О могучий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!³⁵

Исследователи отмечают идейно-тематическую близость трактовки Абаем, Пушкиным и Лермонтовым образа поэта и его роли в жизни страны и народа. В этой связи можно вспомнить стихотворение А.С. Пушкина «Поэт и толпа», написанное поэтом в 1828 году. Пушкин провозглашает идею свободы и независимости поэта от «толпы», «черни», от людей, глубоко равнодушных к истинной поэзии. Толпа не видит пользы в творчестве поэта, ведь оно не приносит никаких материальных благ:

Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветр она бесплодна:
Какая польза нам от ней?³⁶

Поэт бросает вызов толпе:

Молчи, бессмысленный народ,

³⁴ Абай. Сегіз аяқ // <http://sites.google.com/site/abai1845>

³⁵ Абай. Восьмистишия // Абай. Лирика. – Алматы, 1964. – С.8.

³⁶ Пушкин А.С. Поэт и толпа // А.С.Пушкин. Собр.соч.в 10 т. – т.2. – М.: Правда, 1981. – С.139.

Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес...

Он утверждает, что поэзия — удел избранных:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

«Чернь», «толпа», пытающаяся принудить поэта к служению себе - представлена довольно отталкивающе, причем не только в глазах поэта – «рабы безумные», «глупость и злоба», но и в своих собственных:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы...

Абай в цикле «Сегіз аяқ» создает тот же отталкивающий образ «толпы», которой нет дела до настоящего поэта:

Малыңды жауға,
Басыңды дауға
Қор қылма, қорға, тағулас.
Өтірік, ұрлық,
Үкімет зорлық
Құрысын, көзің ашылмас.
Ұятың, арың оянсын,
Бұл сөзімді ойлансын.

Тамағы тоқтық,
Жұмысы жоқтық
Аздырар адам баласын.
Таласып босқа,
Жау болып досқа,
Қор болып, құрып барасың.
Өтірік шағым толды ғой,

Өкінер уақтың болды ғой.³⁷

Абаевский поэт с горечью признает, что «тугоухий не слышит» «слов жемчуга нить», что «дешевка – радость глупца», «у невежды есть /чванство, глупость, лесть».

Абай, как и А.С. Пушкин, видел свою цель в служении народу. Поэтому в их стихах о поэте много прямых переключек. А.С.Пушкин гордится тем, что

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа³⁸.

Абай утверждает, что «народу отдал всю любовь...» верит, что потомки оценят это.

Еще одна тема-мотив, творчески заимствованный Абаем у М.Ю. Лермонтова, - мотив одиночества. Лирический герой Лермонтова - это гордая одинокая личность, противопоставленная миру и обществу. Он протестует против внутреннего и наружного рабства, не находит себе пристанища ни в светском обществе, ни в любви и дружбе, ни в Отчизне. Эта тема красной нитью проходит через всю его яркую короткую жизнь. Один из исследователей творчества Абая К. Жузбасов считает, что в «Восьмистишиях» одна строфа «зеркально» отражает настроение лермонтовского лирического героя из стихотворения «Одиночество» 1830 года «Как страшно жизни сей оковы / нам в одиночестве влачить...».³⁹ Абай, так же, как и лермонтовский герой, скорбит по поводу трагического одиночества: «Болмасқа болып қара тер, / Қорлықпен өткен қу өмір...» («Пот проливается бесполезный / Жизнь проходит бесплодно...»).

В таком же контексте через пушкинскую философию жизни можно рассмотреть знаменитое стихотворение Абая «Желсіз түнде жарық ай / Безветренной ночью ясная луна...»:

Желсіз түнде жарық ай,

³⁷ Абай. Сегіз аяқ // <http://sites.google.com/site/abai1845>

³⁸ Пушкин А.С. К Н.Я. Плюсковой // А.С. Пушкин. Собр.соч.в 10 т. – т.2. – М.: Правда, 1981. – С.204.

³⁹ Лермонтов М.Ю. Одиночество // М.Ю. Лермонтов. Собр.соч.в 4 т. – т.1.- М.: Правда, 1969. – С.96.

Сәулесі суда дірілдеп,
Ауылдың жаны терең сай,
Тасыған өзен күрілдеп.
Қалың ағаш жапырағы
Сыбырласып өзді-өзі,
Көрінбей жердің, топырағы,
Құлпырған жасыл жер жүзі.
Тау жаңғырып, ән қосып
Үрген ит пен айтаққа.
Келмеп пе едің жол тосып
Жолығуға аулаққа?
Таймаңдамай тамылжып,
Бір суынып, бір ысып,
Дем ала алмай дамыл қып,
Елең қағып, бос шошып.
Сөз айта алмай бөгеліп,
Дүрсіл қағып жүрегі,
Тұрмап па еді сүйеніп,
Тамаққа кіріп иегі?⁴⁰

Исследователи считают это стихотворение наглядным опытом творческого освоения Абаем пушкинских традиций изображения природы. Понятно, что казахская поэзия времен Абая имела свою систему устойчивых мотивов, тем и образов, придающих ей эстетическое своеобразие. Пейзаж, созданный поэтическим воображением казахского поэта, поражает мягким лиризмом, просветленностью и душевной чистотой. Он живописен и в то же время предельно психологичен, поэт описывает степную природу, то есть насыщает сюжет сугубо национальными красками. Идиллия, господствующая в природе, отвечает настроению молодых героев (тихая ночь, луна как челнок, полночь черна). Абай использует звуковые эффекты:

---

⁴⁰ Абай. Желсіз түнде жарық ай // <http://sites.google.com/site/abai1845>

его герои, ждущие тайного свидания, слушают в полной ночной тишине шум реки, текущей по камням, беседы листьев дремлющих лесов, дальний гул гор. Стихотворение двучастное (в этом тоже можно увидеть влияние А.С. Пушкина и вообще русской поэзии 20-30-ых годов XIX века), Абай использует принцип симметрии: в десяти строках описана природа и жизнь ночного аула, следующие десять стихов – описание психологического состояния героини, решившейся прийти на свидание. Поэт любит ее смелостью, не осуждает, он тайный ее наперсник, радуется любви, зарождающейся на его глазах, свободе чувств и интимному человеческому счастью. Как в стихотворениях Пушкина, здесь человек и природа стремятся к подлинной гармонии и обретают ее, сливаются с ней. В русском переводе, сделанном Ю.Нейманом, сохранены все абаевские акценты:

Тихой ночью при луне
Луч воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.
Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.
Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший – в тишине...
На свидание за аул
Приходила ты ко мне.
И отважна, и кротка,
Ты прекрасна, как дитя...
Прибежала издалека,
Дух с трудом переводя.
Места не было словам.
Помню сердца чистый стук

В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг⁴¹.

Душевное состояние лирического героя Абая перекликается с явлением природы, как бы дополняя, оттеняя друг друга или контрастируя между собой. В первых двух строках - картина вечерней грусти, пока еще неясной, но развивающейся утраты чего-то очень важного и неповторимого. Следующие две строк - добавление к уже имеющейся ситуации, передают состояние природы в определенное время суток, в конкретном месте.

Абай первым в казахской литературе вводит особый контекст, который и создает ощущение соучастия слушателя в том, что происходит. В традиционной казахской литературе такой возможности введения в текст незримого читателя-слушателя у поэта не было (об этом пишет д.ф.н., проф. Исмакова в монографии «Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль: начало XX века и современность»)⁴². У Абая слушатель-читатель становится соучастником процесса творчества, рождения и перехода чувств в другое качество. Они вместе вспоминают былое, говорят о самом сокровенном, страдают по поводу того, что уже нельзя вернуть.

Как видим, Абай для передачи своих сокровенных, интимных чувств обращался к опыту А.С. Пушкина, активно осваивая приемы и средства европейской поэтики. Абай сознательно отказался от многословия, красноречивых оборотов, присущих казахской устной поэзии. Витиевато-торжественный стиль казахских толгау и меткие, но обрамленные эпитетами (по закону жанра) диалоги акынов уже не могли удовлетворить эстетические вкусы Абая как классического поэта. При помощи русских поэтов, прежде всего А.С. Пушкина, он нашел дорогу между высоким стилем толгау и поэзией акынов. Не случайно и то, что стихи Абая и легко поются и запоминаются, но смысл их заставляет не раз возвращаться к ним.

⁴¹ Абай. Тихой ночью при луне // Абай. Лирика. - Алма-Ата, 1964. - С.28.

⁴² Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). - Алматы: Гылым, 1998.

Как и Пушкин, Абай в пределах одной фразы может выразить свою внутреннюю творческую установку: «Түбі терең сөз артық, бір байқарсыз / Ценнее слово с глубоким смыслом – вы сами это однажды заметите». Для него важно не просто слово, но его глубинные смыслы. При этом поэт постоянно учитывает своего слушателя, которому не только доверяет, но и отличает от других:

Бұл сөзді тасыр ұқпас, талапты ұғар,

Көңлінің көзі ашық, сергек үшін⁴³ / Это слово поймет не крикливый, а талантливый, Для того, у кого на душе ясно, сам он чуткий /.

Абай с доверием относится к своему слушателю - у Пушкина такое же отношение к своему читателю: Өлені бар өнерлі, інім, сізге / Для Вас, мой младший брат, искусный в стихах /.

Поэтическому стилю Абая характерно особое скептическое настроение. Абай в своих стихах не обходит противоречия действительности, он их открыто высмеивает и бичует. Но при этом он далек от крайней односторонности. Но в отличие от своих предшественников - народных акынов или Махамбета, Абай демонстрирует целостность и многоаспектность взгляда на мир, что рождает ощущение того, что он предугадал многое из появившегося намного позже, у него нет однозначного взгляда на мир, он всегда объективен, о чем бы он ни писал, он ищет целостность и гармонию мира, мыслей и чувств,

Жүрегім, нені сезесің,

Сен басқа жан жоқ па?

Дүниені, көңілім, кезесің,

Тиянақ жоқ па, тоқта!⁴⁴

⁴³ Абай. Түбі терең сөз артық // <http://sites.google.com/site/abai1845>

⁴⁴ Абай. Жүрегім, нені сезесің // <http://sites.google.com/site/abai1845>. Перевод подстрочный; Сердце мое, что ты чувствуешь./ Разве нет, кроме тебя другой души?/ Душа моя, весь мир ты обходишь./ Разве нет покоя, стой, остановись!

«Тиянак» (в значении постоянство, которое должно определять порывы души каждого) - это мера, необходимая во всем, представляется поэту одним из решений существенных проблем.

В последней строке впечатление всеохватности заключается в особой емкости, сжатости, некоторой недосказанности, которое можно воспринимать как специальный стилистический прием. Так, в пределах одной фразы Абай создает потрясающий эстетический эффект лаконичностью художественных средств. Очевидно, это необходимо поэту для совмещения разных точек зрения. В одном предложении поэт устанавливает небывалую гармонию и покой, упорядоченность мысли и ими пытается заменить неупорядоченность самой жизни. Гармонизация реальности у Абая не устраняет противоречий самой действительности, внутреннего мира человека и отдельных событий. Но они у Абая лишены резких обозначений, драматизма несовместимости. И это существенно. Стилль Абая как бы умеряет (но не устраняет) существующую дисгармонию, тем самым преодолевает ее. Все подчинено логике разума. Абай подчеркивает гармонию природы и красоты. Он ищет в эмоции не индивидуальное, а всеобщее, поэтому всегда находит стилевой противовес.

Өлсе өлер табиғат, адам өлмес.

Ол бірақ қайтып келіп, ойнап күлмес.

«Мені» мен «менікінің» айырылғанын

«Өлді» деп ат қойыпты өңкей білмес⁴⁵

Абай утверждает, что душа бессмертна, физическая смерть - это только раздвоение «меня» и «моего», как и А.С. Пушкин, утверждает неповторимость и ценность каждой человеческой жизни.

Абай делится мыслью о том, что человек не всегда понимает свое предназначение, пока не задумается действительно о самом главном – «терең ой / глубокие думы», размышлении о сути и бренности бытия, о короткой дистанции между жизнью и смертью. Особенно явственно эти

---

⁴⁵ Абай. Өлсе өлер табиғат, адам өлмес // <http://sites.google.com/site/abai1845>

мысли звучат в стихах, посвященных смерти сына Абдрахмана. Почти все они заканчиваются фразой: «Сабырлық қылсақ керекті / сохранять нужно спокойствие». Это не случайные слова. Поэт призывает себя и слушателей к пониманию более общих законов жизни, неподвластных желаниям отдельных личностей. Стихи эти – не плач отца по сыну, а воспоминания-размышления зрелого поэта о неестественности смерти молодого человека в расцвете творческих сил.

Не случайно в этом стихотворении повторяются слово «сәуле»:

Сәулең болса басында,
Кімді көрдің бұл сынды? -
Жатқан надан не білер,
Көңілге сәуле толмаса?⁴⁶

Слово это является ключевым в понимании эстетической сущности поэзии Абая. «Сәуле» в этом контексте означает стремление к свету и к высшим истинам, посвященность в высокое понимание всего сущего, подвластного сильному интеллекту.

Жаңа жылдың басшысы - ол.
Мен ескінің арты едім.
Арман деген ащы сол,
Сүйекке тиді, қарт едім⁴⁷.

Абай со свойственной его стилю лаконичностью выразил социальный смысл потери сына, представителя нового поколения. Себя он при этом видит завершающим «старое» поколение уходящих «отцов».

В последних двух строках, пожалуй, впервые в казахской литературе Абай признается, что, оказывается, мечта бывает горькой: появилось неожиданное сочетание «Армай деген ащы сол». Мечта всегда была сладкой, это чувство светлое, прекрасное, так привычно воспевала ее вся устная поэзия жырау и акынов. Абай использует здесь оксюморон,

⁴⁶ Абай. Әбдірахман өліміне (27 жасында) // <http://sites.google.com/site/abai1845>

⁴⁷ Абай. Әбдірахман өліміне (27 жасында) // <http://sites.google.com/site/abai1845>

соединение различных тонов, но не противоположных по значению, а чем-то неуловимо близких. В этом он сродни А.С.Пушкину: «Печаль моя светла, печаль моя полна тобою».

Как пушкинские, так и абаевские строки поражают нетрадиционностью сочетания, гармония в них обнаруживает себя не в отборе односторонне соединяемого, но в возможности соединить во взгляде на предмет различные, но не полностью контрастные точки зрения. Последняя строка по-своему завершающему смыслу потрясает своей прозаичностью, не только по форме произношения, но и сочетанию казалось бы, простых слов: «Суйекке тиді, карт едім / пронзило до костей, стар я». После запятой это грустное, обреченное и в то же время объективное, точно выражающее в данной ситуации безысходность потери: «стар я».

Скорбь нескрывается, ее невозможно передать эмоционально: Абай скорбит о потере, сын для него был опорой, надеждой. Его смерть передана через процесс: буквально, как от удара камчи выступила слеза. Точность описания создает впечатление физического его ощущения, понятного автору, слушателю-читателю, включенному во все, что творится в душе поэта. Читая эти строки, просто физически ощущаешь боль от камчи, настолько поэт точен в показе эмоционального состояния человека.

Как видим, в изображении трагического Абай отличается от своих предшественников усилением философского осмысления событий. Ему присуще зрелое равновесие духа. Это результат творческого освоения традиций европейского реализма.

Кроме того, как считает исследователь А.С. Исмакова, «Абай в казахской литературе впервые реализовал эстетику социальности искусства. Социальность в смысле обращенности к своему читателю как участнику событий, уверенность в его понимании и поддержке»⁴⁸. Ориентация на широкую аудиторию в творчестве помогало Абаю разворачивать обсуждение

---

⁴⁸ Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). – Алматы: Гылым, 1998. – С.79.

больших философских проблем. Когда он говорит - «айтушы мен тындаушы» («повествователь» и «слушатель»), «мынмен жалгыз алыстым» («боролся один против тысячи (тьмы, толпы»), «акымак көп, акылды аз», то, прежде всего, он, конечно, имеет в виду своего слушателя. В этом плане показательно стихотворение «Базарға қарап тұрсам».

В этом стихотворении поэт выразил внутреннюю суть поэтического творчества. Поэт четко характеризует своего читателя «сәулесі бар жігіттер» («люди светлые, с искоркой, со светом»), так он отличает их от «толпы» / «жалпак журт»/, которая капризна и непостоянна. Абай выделяет своего слушателя, помогающего ему в сотворчестве, внутренне близкого ему по духу.

Для иллюстрации степени влияния русского поэта А.С. Пушкина, которого Абай считал своим духовным наставником, можно также рассмотреть переключку мотивов в понимании сути поэтического слова, в раскрытии темы поэта и поэзии в творчестве Пушкина и Абая. Мотив поэта и поэзии проходит через все творчество Пушкина: его первым опубликованным стихотворением было «К другу стихотворцу» (1814), а одним из последних – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). В своем творчестве Пушкин выстроил концепцию о месте поэта в мире, о взаимоотношениях поэта и общества, о творческом процессе. Основные вехи этой концепции, главные опоры пушкинского «памятника нерукотворного», – поэтические манифесты «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Пророк» (1826), «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831).

По словам Белинского, Пушкин был «первым русским поэтом-художником». И ему важно было показать независимость поэзии, ее самостоятельность и самоценность:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,

Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд... («Поэту»)⁴⁹

Пушкин видит в поэзии дар, «завещанный от Бога». Он считает, что поэт служит не себе, а этому, не вполне ему принадлежащему дару. В этом смысле поэт напоминает библейского пророка. В стихотворении «Пророк» изображается постепенное обновление томимого духовной жаждой простого смертного человека. В 1818 году Пушкин закончил стихотворение «К Н. Л. Плюсковой» строчками:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа⁵⁰.

Поэт, как и эхо, воспринимает все, что происходит в мире и откликается «на всякий звук» – для того и даны нечеловеческие слух и зрение. Но, как и эхо, поэт бесконечно одинок. Путь пророка – путь подвижничества. Отказавшись «давать смелые уроки», изгнав «непосвященных» и поставив себя вне их суда, поэт избирает этот путь.

О социальной и общественной значимости слова, поэзии, искусства, о роли поэта в формировании общественного и национального сознания Абай размышлял постоянно. Свое понимание этого вопроса он изложил в программных стихах «Стихи – царь-слово, отбор словесный», «Я не пишу стихов для забавы», «На базар, как погляжу я, всякий едет», «Если у кого-либо умер близкий, он скорбит» и других. Это своеобразные философские трактаты о природе искусства слова, о его смысле и назначении.

Абай, так же, как и Пушкин, высоко оценивает силу слова:

Теплеет сердце, если речь легка,

И слух ласкает красота речений,

в «Восьмистишиях» утверждает животворящую, созидательную силу Слова: Алыстан сермеп, / Жүректен тербеп, / Шымырлап бойға жайылған;
Қиуадан шауып, / Қисынын тауып, / Тағыны жетіп қайырған,

⁴⁹ Пушкин А.С. Поэту // А.С.Пушкин. Соб.соч. в 10 т. – т.1. – М.: Правда, 1978. – С. 145.

⁵⁰ Пушкин А.С. Н.Я.Плюсковой // А.С.Пушкин. Соб.соч. в 10 т. – т.1. – М.: Правда, 1978. – С.49.

Толғауы тоқсан қызыл тіл⁵¹.

Речь идет о слове истинном, одухотворенном, возвышенном, по определению Абая, «золотым изнутри, серебряным извне». Таким словом владеет поэт, познавший магию и тайну «царь-слова». Но необходимо еще, чтобы такое слово воспринималось и ценилось по достоинству слушателем и читателем: «Кто ныне слову здоровому внимает?».

О поэте свободном, независимом, понимающем свое назначение и оберегающем свое человеческое достоинство, говорил Пушкин, которому свобода дороже всего: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум»). Абай тоже утверждает: «Не для забавы я слагаю стих, не выдумками наполняю стих», адресуя свою поэзию молодым, «чутким слухом, сердцем и душой», тем, у кого прозорливо сердце, чист разум. Он призывает своих единомышленников к добру, благородству, к любви, к прекрасному, возвышенному, к мудрости и чести.

Дар поэта - редчайший дар.

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
говорит Абай.

Певцов, что «из мусора слагают стихи», Абай называет глупцами, и, обращаясь к «песнопевцу-брату», умоляет его: «Яви лишь честное, художник, рвень!»

Абай с горечью и презрением говорит о тех акынах, которые расточают «за подачку душевный жар свой, теща встречных лестью», забывая о подлинном смысле высокой поэзии. Такие ткнут пустые словесные узоры и ценой неискренних похвал лишь добиваются невысокой чести:

И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Абай поднял казахскую поэзию на новую качественную ступень. Он понимал, что старая акынская поэзия изжила себя:

---

⁵¹ Абай. Серіз аяқ // <http://sites.google.com/site/abai1845>.

А если речь певца засорена Словами,
чуждыми родному духу,-
Такая песня миру не нужна.

Как и Пушкин в русской литературе, он понимает, что пришло время для новых песен, для новых слов. Стихи своих предшественников, именитых поэтов XVIII и начала XIX веков Шортанбая, Дулата, Бухара-жырау, Абай называет «стихами из лоскутов и заплат»⁵². Абая, однако, посещают сомнения: поймут ли в степи его слово, всем ли оно доступно, все ли в состоянии вникнуть в его потаенный смысл, всем ли оно по нраву. Об этих своих сомнениях он говорит в стихотворении «Базарға, қарап тұрсам, әркім барар / На базар, как погляжу я, всякий едет», написанном в 1886 году. Оно не менее программное в казахской литературе, чем пушкинские манифесты.

Базарға, қарап тұрсам, әркім барар,
Іздегені не болса, сол табылар.
Біреу астық алады, біреу маржан,
Әркімге бірдей нәрсе бермес базар.
Әркімнің, өзі іздеген нәрсесі бар,
Сомалап ақшасына сонан алар⁵³.

В подстрочном переводе сохранен смысл:

На базар, как я погляжу я, всякий едет,
И все, что ищет, то и находит.
Покупает кто – зерно, а кто – кораллы,
Всем одно и то же не дает базар.
Каждый ищет необходимое себе
И находит то, что по карману.

В абаевской интерпретации базар – это сама жизнь (жизнь – большой базар). Каждый имеет то, что ему под силу. Абай, развивая эту мысль, говорит, что написанное или сказанное слово, как бисер, не потеряется, кто-

⁵² Вспомним ту непримиримую борьбу, которую вел Пушкин за новый стиль, новые возможности художественного отражения действительности.

⁵³ Абай. Базарға, қарап тұрсам, әркім барар // <http://sites.google.com/site/abai1845>

то непременно подхватит, найдет и передаст другому. И уже в который раз он уповает на тех, «в ком чуткая душа, в ком светоч в груди». Как и у Пушкина, здесь речь идет о подлинной и мнимой поэзии, о слове глубоком, сокровенном, помеченном метой художника. Для иллюстрации Абай приводит казахскую поговорку: «Зачем кораллы псу».

Абай четко выделяет свою, так сказать, сверхзадачу: «Не для одного ведь я пишу - для простого народа, для широкой толпы». Вспомним пушкинскую формулу: «... неподкупный голос мой / Был эхо русского народа». Эти и многие другие мысли русского поэта Пушкина в той или иной форме, в той или иной мере и степени явственно перекликаются с основными воззрениями Абая на творчество, на роль искусства и назначения поэта, как выразителя и носителя духовной мощи человека, как просветителя и глашатая высоких порывов, стремлений и истин.

Особенно много общего между пушкинским и абаевским восприятием русской и казахской природы. Философ Спиноза утверждал, что «бог есть природа». И Пушкин, и Абай воспевали природу возвышенно, одухотворенно, в единстве, во взаимодействии с жизнью, с человеком. Природа у обоих поэтов является воплощением естественности, свободы и красоты, раскрепощенности. Одна из их любимых идей - приближение человека к природе, стремление к слиянию с ней. Красота природы приводила их в восторг, вызывала умиление и ликование. Природа для поэта - олицетворение радости бытия, счастья земной жизни.

Белинский, считавший Пушкина одним из немногих, кто остро чувствует «бег времени» отмечал в пушкинском пейзаже его ярко выраженный национальный характер. Пушкин запечатлел в своей пейзажной лирике особую прелесть среднерусской природы, ее простоту и яркость: «...Люблю песчаный косогор, перед избушкой две рябины, калитку, сломанный забор, перед гумном соломы кучи, да пруд под сенью ив густых – раздолье уток

молодых»⁵⁴. Известна особая любовь поэта к осени: «Из всех времён я рад лишь ей одной». Он воспел ее печаль и просветленность, кротость осеннего увядания. Не менее гениальны и чудесны его зимние зарисовки в стихах, полные жизни, движения, бодрости: «Зимний вечер», «Зимнее утро», «Зимняя дорога», «И вновь я посетил...». Но в 30-ых годах XIX века пейзажная лирика Пушкина становится более драматичной, наполняется безысходной тоской, сожалением о прошедших годах, печалью, скорбью и разочарованием. Показательна в этом плане философская миниатюра «И вновь я посетил...», написанная в 1835 году в Михайловском, глубоко личная. В эти годы подвергается испытанию пушкинское кредо о свободе поэта. Здесь, на лоне природы, Пушкин вновь убеждается в том, природа прекрасна и гармонична в силу своей естественности и свободы, это придает ему силы в отстаивании личной духовной независимости.

Исследователи пейзажной лирики Пушкина давно доказали, что природа у поэта - не бесчувственный образ, она активна, одухотворена и одушевлена, наполнена особым содержанием и смыслом и всегда созвучна настроению лирического героя и самого поэта. Поэтому пейзажную лирику Пушкина называют медиатативной и психологической, отражающей все перипетии личной жизни поэта. Неслучайно она становится все более драматичной, так, в стихотворении «На холмах Грузии» печаль сквозит не только в пейзаже, но и в настроении поэта, мечтающего о волшебном крае. В стихотворении «Деревня» на фоне поэтических зарисовок картин природы показана изнурительная рабская жизнь крепостных, чтобы сильнее выразить протест поэта: «О, если б голос мой умел сердце тревожить!».

Обращение к стихам Абая о природе позволяет увидеть много общего с Пушкиным. Он, как и русский поэт, создал цикл стихов о временах года (заметим, что в казахской поэзии такой традиции не было, поэтому с полным основанием можно утверждать, что он использовал традиции русской и европейской литературы). Описывая красоту природы, Абай прибегает к

---

⁵⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С.Пушкин. Собр.соч.в 10 томах. – М.: Правда, 1981. – С.173.

ярким, свежим краскам, национальным образам и колориту, находит возвышенную, чистую тональность. По сути дела, Абай является зачинателем пейзажной лирики в казахской литературе. Для него природа неизменно материальна, конкретна, реалистически прекрасна, локальна, неразрывно связана с человеком, с социальной средой и бытом. Абай не просто созерцает неброскую природу Чингистау, не только находит сочные, чисто «казахские» краски для ее живописания, а воспринимает ее как реальную действительность глазами поэта, то есть, как действительность, в которой собственно и заключено прекрасное. Сугубо пейзажная лирика в творчестве Абая по объему невелика, всего несколько стихотворений: «По первой пороше охотник с беркутом выходит на охоту», «Лето», «Осень», «Октябрь с ноябрем - эти два месяца», «Зима», «Светлая луна в безветренной ночи», «Весна». Но удельный вес этих стихов в творчестве Абая весьма велик, потому что в них развернуто описаны не только четыре времени года в степи, не только опозитизирована природа, но в целостном виде раскрыто мирозерцание поэта, его идейно-художественное кредо, его понимание многих социально-общественных проблем в условиях кочевой жизни. Несомненно, Абай понимал значимость своих творческих поисков, сознавал новизну своих творений, посвященных живописанию природы, и создал названные выше стихи в разные годы, опираясь на опыт русской и европейской пейзажной лирики.

Лирика Абая о временах года насыщена конкретными реалистическими деталями и подробностями казахского быта второй половины XIX века. Любое явление природы в изображении Абая приобретает четкую национальную окраску. Одним из произведений, в котором можно увидеть прямое влияние Пушкина на пейзажную лирику Абая, является «Жазғытұры» / «Лето»/, написанное в 1890 году. Основным мотивом здесь выступает мотив надежды, простой человеческой радости. Аул, раскинувшийся на джайляу-летовке, навеивает тихую радость, душевную ясность, покой. Используемые Абаем краски удивительно мягки, колоритны:

Жаздыкүн шілде болғанда,
Көкорай шалғын, бәйшешек
Ұзарып өсіп толғанда;
Күркіреп жатқан өзенге
Көшіп ауыл қонғанда:
Шұрқырап жатқан жылқының
Шалғыннан жоны қылтылдап,
Ат, айғырлар, биелер
Бүйірі шығып, ыңқылдап⁵⁵
[Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья.
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва..].

У Абая, как и у его любимых русских поэтов-пейзажистов, природа существует не сама по себе. Она густо населена степными реалиями: стаи гусей и уток оглашают криками степной простор, молодые женщины, «белея руками, томно изгибаясь», ставят юрты, табунщики на лихих конях спешат к аулу, юноши охотятся с ловчими птицами, старики в тени навеса, сидя на кошмах, ведут беседу. Все конкретно, динамично, живописно, реально. Природа и человек показаны во взаимодействии. В исследуемом тексте нужно отметить пристрастие поэта к пространственной широте, панорамному изображению происходящих событий на лоне и в гармонии с природой. Используемые им средства сродни пушкинским: оба поэта в летнем пейзаже предпочитают ясные и чистые краски, создают умиротворенный, почти идиллический пейзаж, но далеко не условный, наоборот, насыщенный такими реалистическими подробностями и деталями,

---

⁵⁵ Абай. Жазғытұры // <http://sites.google.com/site/abai1845>

которые способствуют воссозданию реальной действительности второй половины XIX века.

Исследователи творчества Абая единодушно признают, что он особенно близок к А.С. Пушкину в любовной лирике. Общеизвестно пушкинское признание, что

Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует⁵⁶.

Сравнивая стихи двух поэтов, воспевших любовь, можно убедиться в истинности пушкинской формулы: они – жрецы единых муз. Любовь и для Пушкина, и для Абая – предмет высокой поэзии. Она выведена за пределы быта, житейской «прозы». Для обоих поэтов женщина является символ красоты, гармонии, неизъяснимых наслаждений: «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Признание», «Не пой, красавица, при мне...», «На холмах Грузии...», «Я вас любил...», «Я помню чудное мгновенье...», «Сожженное письмо», «Талисман», «Мадона» и другие. В ранней лирике Пушкина любовь – мечта, образы возлюбленных достаточно условны, как и их имена – Дорида, Лаиса, Эльвина. В послании «К***», обращенном к Анне Петровне Керн, героиня божественна, наделена неземной красотой и благородством. Воспоминание о ней рождает ощущение, что именно она есть «и божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы и любовь», которые остаются с лирическим героем навсегда. Любовь становится символом духовного возрождения, дает поэту надежду на ее «улыбку прощальную» и примиряет с тяготами жизни. В поздней любовной лирике Пушкина появляется образ Мадонны, символа идеальной любви. В 1830 году Пушкин создает сонет «Мадона», считают, что прототипом героини является Наталья Николаевна Гончарова, с которой поэт познакомился в 1828 году:

Исполнились мои желанья. Творец

---

⁵⁶ Пушкин А.С. Издревле сладостный союз... // А.С.Пушкин. Соб.соч. в 10 т. – т.1. – М., 1978. – С. 194.

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец⁵⁷.

Пушкин сравнивает свою невесту с белокурой мадонной с картины итальянского художника рафаэлевской школы. В сонете две героини: небесная Мадонна - Пречистая и возлюбленная поэта, земная женщина, ставшая для поэта его Мадонной, «чистейшей прелести чистейшим образцом», столь же совершенная, как «Джоконда» Леонардо да Винчи, «Флорентийские мадонны» и «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Важно, что для Пушкина она - «моя Мадонна».

В жизни и лирике Абая любовь занимает особое место. Любовь в понимании Абая – великая радость, счастье, очищение души, гармония чувств, красоты внешней и духовной. Это благородное чувство любви во всех его проявлениях и оттенках: «Без любви жизнь пуста». Не случайно он считал, что «...того, кто жил не любя, Человеком назвать нельзя».

По его выстраданному мнению, любовь - святой огонь души, без него представить жизнь невозможно:

Без ума - бия нет,
В доме тьма - дома нет.
Коль в душе нет огня,
Жизнь тюрьма, жизни нет.

Говоря, что «ғашықтық – қиын жол / у любви - трудная дорога», он имел в виду свой личный опыт в любви к Тоғжан и через много лет к Айгерим, которая удивительным образом срослась в его восприятии с образом пушкинской Татьяны, неслучайно. Именно она исполняла песни Татьяны, написанные Абаем от имени пушкинской героини.

О любви Абай рассуждает серьезно, с мудростью зрелого человека, с высоты своего возраста, житейского опыта и обретенных знаний он призывает к искренности чувств, к чистоте и благородству, к возвышенности сердечного влечения, психологически тонко подмечая и описывая и пылкую

---

⁵⁷ Пушкин А.С. Мадонна // А.С.Пушкин. Соб.соч. в 10 т. – т.1. – М., 1978. – С. 228.

страсть, и нежную истому, и счастье единения влюбленных (как, в стихотворении «Желсіз түнде жарық ай / Безветренной ночью ясная луна...»)).

В любовной лирике Абай - новатор, говоря о том, что «язык любви - речь без слов», Абай впервые нашел чистые и возвышенные слова, обороты, сравнения для выражения тонкого чувства, научил казахских девушек и юношей говорить об интимном поэтически восторженно, открыто и целомудренно. В казахской степи у акынов не было такого поэтического опыта. Подлинная доверчивость и задушевность, без излишней пышности, метафоризация и символика – все это больше от Пушкина. «Көзімнің карасы» / «Ты – зрачок глаз моих», «Айттым сәлем, қаламқас» / «Привет тебе, тонкобровая», «Ғашықтың тілі - тілсіз тіл» / «Язык любви - речь без слов», «Жүрегім, ойбай соқпа енді» / «О, мое сердце, не бейся теперь», «Сен мені не етесің» / «Что ты со мною делаешь?», «Қызарып, сұрланып» / «Краснел, бледнел...», «Білектей арқасында өрген бұрым» / «На спине заплетенная, с руку толщиной коса», «Жігіттер, ойын арзан, күлкі қымбат» / «Джигиты, дорог смех, не шутовство» - стихотворения, в которых Абай полно выразил свое понимание любви, свой идеал женской красоты и предостерег от легкомысленного отношения к прекрасному чувству. У Абая любовь и человеческое достоинство, любовь и свобода, любовь и счастье, любовь и долг, любовь и страсть, подчиняемая рассудку, – понятия тесно связанные, неразрывные, извечно стремящиеся к согласию.

Переключек Пушкина и Абая на идейно-тематическом, образном и жанровом уровне множество. Но влияние, отсюда и сходство, сближение, можно обнаружить при сравнении метрики и строфики в поэзии обоих поэтов. И это несмотря на то, что казахский и русский языки – разноструктурные и разносистемные, в одной преобладает силлабическое стихосложение, в другой – силлабо-тоника и тоническая метрика. Перед Абаем, создававшим новую, письменную литературу, новый литературный язык, стояли грандиозные и трудные задачи, которые он решил при помощи

русских писателей. Как и Пушкин, он сознательно и настойчиво стремился расширить смысловые и ритмико-мелодические возможности казахского стиха, разнообразить строфику, рифму, ритмику. Благодаря русской поэзии Абай широко использовал в силлабической казахской поэзии элементы тоники. Абаеведы, в частности, академик З.А.Ахметов, утверждают, что он ввел более двадцати форм в казахское стихосложение⁵⁸. Известно, наиболее распространенными размерами в казахской поэзии являются одиннадцатисложный стих с рифмовкой ААБА и семи-восьмисложник с перекрестной рифмой АБАБ. Считается, что они наиболее адекватно отвечают требованиям силлабической версификации. Абай в полном объеме использует их, но вносит и в эти традиционные формы изменения. У него встречается рифма АБВБ, он вводит в обиход и шестисложник с перекрестной рифмой:

Қызарып, сұрланып
Лүпілдеп жүрегі,
Өзгеден ұрланып
Өзді-өзі керегі⁵⁹.

В переводе Марка Тарловского эта строфа звучит следующим образом:
И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать.

Такие стихотворные формы способствовали мелодичности стиха, обогащению музыкальности стихотворения. Абай сам сочинял музыку к своим стихам, неслучайно академик Ахмет Жубанов говорил, что стихи Абая написаны не иллюстратором, а композитором. Вспомним, что и пушкинские

---

⁵⁸ Ахметов З.А. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии). – Алма-Ата: Наука, 1964.

⁵⁹ Абай. Қызарып, сұрланып // <http://sites.google.com/site/abai1845>

стихи легко перекладывались на музыку, они мелодичны, поэтому легко пелись как романсы, песни.

Еще одно новшество Абая, введенное им в казахскую поэзию, - это сегіз аяқ – восьмистишие ААБВВВСС:

Алыстан сермеп,
Журектен тербеп,
Шымырлап бойға жайылған,
Қиуадан шауып ,
Қисынын тауып,
Тағыны жетіп қайырған.
Толғауы тоқсан қызыл тіл,
Сөйлеймін десең өзің біл⁶⁰.

В переводе Л. Озерова можно увидеть особенности художественной формы, используемой Абаем:

Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать,
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Можно обратить внимание на схожесть абаевского восьмистишия на октаву в русской поэзии:

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает	А
Последние листы с нагих своих ветвей;	Б
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,	А
Журча за мельницу бежит ручей,	Б
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает	А

⁶⁰ Абай. Сегіз аяқ // <http://sites.google.com/site/abai1845>.

переводчиков А.Л. Жовтиса, М. Султанбекова, Е. Курдакова, Ауезхана Кодара, их творческий уровень, подход к тексту оригинала и принцип переложения его на другой язык.

2.4. «Евгений Онегин» А.С. Пушкина в казахской литературе: переводческие интерпретации романа Абаем и поэтами абаевской школы

Мухтар Ауэзов, досконально изучивший творческую историю абаевских художественных текстов, отмечал, что повесть Пушкина «Дубровский» стала открытием для Абая. Поэт в привычной для него сказовой форме рассказал содержание повести своим постоянным слушателям, в частности, Баймагамбету, с которым часто выезжал в долгие поездки из Жидебая в Семипалатинск и, чтобы скрасить время, рассказывал своими словами прочитанное, тот, в свою очередь, вечерами пересказывал их другим сородичам. Следующим шагом к Пушкину была работа над «Евгением Онегиным»: Ауэзов в своем романе показал, как Абай «талантливо пересказал роман Пушкина «Евгений Онегин», сложил мелодии на письма Татьяны и Онегина», и сделал вывод, что именно «Пушкин открыл все богатство русского языка»⁶³. Абай осуществил перевод романа Пушкина в виде цикла, состоящем из писем и монологов трех главных героев и одной портретной характеристики Онегина, написанных Абаем в жанре писем: «Татьянаның Онегинге жазған хаты» («Письмо Татьяны к Онегину»), «Онегиннің сипаты» («Портрет Онегина»), «Онегиннің Татьянаға жауабы» («Ответ Онегина»), «Онегиннің сөзі» («Слово Онегина»), «Онегиннің татьянаға жазған хаты» («Письмо Онегина к Татьяне»), «Татьяна сөзі» («Слово Татьяны»), «Ленский сөзінен» («Из монолога Ленского») и, наконец, «Онегиннің өлердегі сөзі» («Предсмертное слово Онегина»), которого нет в сюжете романа А.С. Пушкина. Без последней части казахам было бы

⁶³ Ауэзов М. Абай: роман-эпопея в двух книгах. - Кн. 1. - М.; Художественная литература, 1978. - С.502.

непонятным содержание романа в целом. Он бы остался без логического конца. Все восемь песен на четыре собственные мелодии Абая имели широкое распространение с казахской степи⁶⁴. В некрологе Абаю отмечен интересный факт: «Абаем переведен на киргизский язык «Евгений Онегин». Особенно в степи популярностью пользуется «Письмо Татьяны», для которого тот же переводчик сочинил мотив. В 1899 году в Кокенской волости киргизский певец Адылхан предложил нам послушать «Письмо Татьяны» под аккомпанемент его скрипки. На наше удивление, откуда он знает «Письмо Татьяны», Адылхан, не без гордости указав на себя, пояснил, что у русских был такой же, как он, певец-«акын» Пушкин, который воспел, как Татьяна-«сулу» (красавица) полюбила джигита Онегина, которому и написала письмо! В тот же вечер Адылхан, знающий много оригинальных стихов Абая, спел нам несколько его переводов из Лермонтова и Пушкина. Впоследствии автору этих строк пришлось убедиться в том, что в киргизской степи в разных уездах «ахыны» знали и распевали переводы Абая из Пушкина и Лермонтова»⁶⁵.

Но вопрос, почему Абай не перевел роман полностью, открыт до сих пор. Как представляется, полный перевод не был бы воспринят адекватно читателями-казахами того времени. Абай понимал, что его соотечественники, воспитанные на классических восточных дастанах о любви, не смогут оценить в полной мере драму отношений Онегина и Татьяны. Восточная традиция заставляла влюбленных ради любви идти на жертвы, на смерть, достаточно вспомнить сюжет эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Поэтому Абай очень осторожно подошел к выбору отрывков для перевода. В «Песне Татьяны» в первой строке Абай не употребляет слово «Аллах» или «Бог»: «Ты мой супруг, Всевышним данный». Для русской девушки и казахской

⁶⁴ Ныне насчитывается до 25 мелодий, на которые казахи распевают «Евгения Онегина». Но лучшими признаются мелодии, сочиненные Абаем, в которых использованы не только казахские, но и русские народные напевы. Об этом говорится в исследованиях казахстанских музыковедов: Дернова В.П. Песни Абая // Музыкальное творчество Абая. - Алма-Ата, 1954; Песни Абая // Сов. музыка. - 1954. - № 7; «Письмо Татьяны» Абая Кунанбаева // Сов. музыка. - 1960. - № 1; Чумбалова Г.А. Песни Абая // Музыкальная культура Казахстана. - Алма-Ата, 1955; Бисенова Г. Песенное творчество Абая. - Алматы, 1995.

⁶⁵ Абай Кунанбаев (некролог) // Записки Семипалатинского отделения РГО. - 1907. - Вып. 3. - С.5.

девушки, которая поет песню Татьяны, должно быть общее понятие – Всевышний, тогда всем будет понятен и Абай, и Пушкин.

Литературный критик Такен Алимкулов в своей книге «Жұмбақ жан / Загадочная душа» пишет: «Образы, названные в русской литературе «лишними людьми», пришлись по душе Абаю. Как духовно близок был Пушкину Онегин, человек бессильный бороться против власти общества, отчаявшийся от жизни, так же он был близок и Абаю»⁶⁶. На основе сюжета пушкинского романа в стихах «Евгения Онегина» Абай создал новый текст, который в лучших традициях восточной литературы можно озаглавить как «Татьяна-Онегин» и поставить в один ряд с известными восточными лирическими поэмами-дастанами о любви. Эту точку зрения отстаивает казахский исследователь творчества Абая профессор Ш.Р. Елеукунов, который рассматривает созданный Абаем цикл как самостоятельный роман в письмах, написанный по мотивам пушкинского романа. Но, по мнению ученого, роман Абая не укладывается в рамки традиции «назира». К нему не подходят и принятые нормы художественного вольного перевода⁶⁷. Известный переводчик с казахского языка на русский и немецкий языки Герольд Карлович Бельгер считает эту проблему почти неразрешимой: «Многие крупные исследователи (М. Ауэзов, З. Ахметов, М. Габдуллин, М. Каратаев, Г. Мусрепов, М. Базарбаев, Ш. Елеукунов) – кто мимоходом, вскользь, кто основательно, дотошно – затрагивают эту тему, но ни один из них так и не решился с абсолютной категоричностью отнести переводческий опыт Абая к конкретному типу перевода. Это и невозможно. Легче всего отнести перевод Абая из «Евгения Онегина» к вольному, свободному, избирательному, к назире, но в любом случае это будет односторонней трактовкой»⁶⁸.

Настоящим переводом, близким к оригиналу, является лишь первое письмо Татьяны, которое под названием «Татьянаның Онегинге жазған

⁶⁶ Әлімқұлов Т. Жұмбақ жан. – Алматы, 1978. – 16 б.

⁶⁷ Елеукунов, Ш.Р. Пушкин и эпистолярный роман Абая // Таң-Шолпан. - 2006.- № 4.- С.178-200.

⁶⁸ Бельгер Г. Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. – Алматы: Галым, 2001. – С.74.

хаты» было создано в 1889 году. У Пушкина «Письмо Татьяны Онегину» состоит из 79 строк, у Абая – 76. Остальные отрывки представляют самостоятельные стихи, отличные от пушкинских, но созданные по его мотивам. Абай перевел из «Евгения Онегина» семь отрывков, озаглавив их по-своему: «Портрет Онегина», «Письмо Татьяны к Онегину», «Ответ Онегина», «Слово Онегина», «Письмо Онегина к Татьяне», «Слово Татьяны», «Из монолога Ленского». Завершает цикл «Предсмертное слово Онегина». У Пушкина главный герой остается жив, хотя его дальнейшая судьба неизвестна, Пушкин намеренно использовал прием «открытого конца». Но Абай, как пишет литературовед Темиргали Нуртазин, «не желает оставлять Онегина на произвол судьбы, он считает, что тот должен умереть, а не влачить жалкое существование»⁶⁹. Именно поэтому Абай от себя добавил «Предсмертное слово Онегина». Это решение соответствует ситуации в финале романа. У Пушкина герой остается в щекотливой для него ситуации:

Здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда⁷⁰.

Абай по-своему оригинально подходит к переводу на казахский язык романа «Евгения Онегина»: решил передать содержание романа через мелодику, в песенной форме, что в первую очередь, соответствовало национальной традиции: «мысль, как птица, стремится ввысь, и тень ее - мелодия» (народная поговорка). Исследователи считают, что первая часть абаевских песен-монологов о Татьяне и Онегине является сюжетобразующей, как и в казахских дастанах о любви. В романе Пушкина Татьяна, уездная барышня, пишет письмо под напором неведомых ей до сих пор чувств, переступая через серьезные нравственные запреты: «Я к вам пишу – чего же боле? / Что я могу еще сказать? / Теперь, я знаю, в вашей

⁶⁹ Нуртазин Т. Абай туралы сөз // Өнтүстік Қазақстан. – 1967. – 25 қыркүйек

⁷⁰ Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С.Пушкин. Собр.соч. в 10 т. – т.4. – с. 256.

воле / Меня презреньем наказать»⁷¹. Абай при переводе не только меняет, вернее, смещает акценты: пушкинская героиня переживает по поводу того, как ей сказать о том, что накопилось у нее в душе, о своей готовности понести за это кару:

Амал жоқ - қайттім білдірмей,
Япырмау, қайтіп айтамын?
Қоймады дертің күйдірмей,
Не салсаң да тартамын⁷².

[Что же делать – как мне сказать, не показывая (своего состояния). Ну что же мне остается делать, я выдержу все, что ты (Всевышний) пошлешь за это мне – перевод смысловой]. И лишь после этого она говорит, что он заметит и поймет состояние ее души. Абай нигде не упоминает о том, что автор этого послания - юная неискушенная в любви девушка, он акцентирует внимание на ее переживаниях, сочувствует и поддерживает героиню, вместе с ней просит читателя о снисхождении (в казахской традиции девушке не следует первой открыто выражать свои чувства по отношению к мужчине) и взаимопонимании. Абаевская Татьяна, так же, как и пушкинская героиня, предельно раскрыта, абсолютно откровенна. Она ничего не скрывает, честна и прямодушна. Онегин с его светским воспитанием казался ей человеком необыкновенным, поэтому она надеется, что он поймет ее. В конце письма опомнилась, пожалела о собственной смелой искренности («страшно перечесть»), для казахского поэта это поступок, сродни подвигу. Поэтому Абай восхищается Татьяной.

Далее он вводит в повествование Онегина. Если исходить из избранной Абаем жанровой формы (жанр песни-монолога-исповеди), то вполне оправдано заглавие следующей песни «Онегиннің сипаты» («Портрет Онегина»): «Жасынан түсін билеп, сыр бермеген...». она состоит из 34 строк, Абай перевел полностью 10 и 11-ые строфы и 6 строк из 12-ой строфы,

⁷¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С.Пушкин. Собр.соч. в 10 т. – т.4. – с.58.

⁷² Пушкин А.С. Татьянаның хаты // http://www.pushkinlibrary.kz/Abai_Pushkin/evg_oneg_kaz.html

составив полный психологический портрет Евгения Онегина, передав в точном соответствии все содержание пушкинского сюжета об Онегине. Впервые в казахской литературе появилось произведение в жанре психологического повествования, Абай при помощи Пушкина активно осваивает средства психологического анализа, создает психологический портрет своего героя. (В этом можно увидеть следы прямого воздействия, влияния русской классики на Абая).

А.С. Пушкин дает психологически достоверный портрет молодого человека 10-20-ых годов XIX века, характеризует его как типичного представителя «золотой» петербургской молодежи, впитавшей в себя все достоинства и пороки «высшего света». Абай характеристику этого героя начинает со следующих строк:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать.⁷³

Его перевод в основном воспроизводит пушкинскую интерпретацию этого героя и далее. В остальных месяцах-исповедях будет дополняться новыми деталями и подробностями.

Третья часть абаевского романа, состоящего в основном из писем, представляет собой «Ответ Онегина» - «Хатынан жақсы ұғындым сөздің бәрін...» (подстрочный перевод: «Я все понял из твоего письма...»), оно переведено в 1889 году в форме ответа Онегина на Татьянино признание. Из пушкинских 70 строк он составил текст в 44 стиха, оставив от оригинала только общее содержание. Абай предложил вольный вариант ответа Онегина, внес свое понимание хода мыслей и поступков героя. Абай начинает повествование с элементами монолога-исповеди и диалога со встречи Онегина и Татьяны в саду после прочтения ее письма: «таңғажайып бұл қалай хат... » (Какое удивительное это письмо – смысловой перевод). Онегин

⁷³ Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С.Пушкин. Собр.соч. в 10 т. – т.4. – с.9.

оценил и мужество Татьяны, и чистоту ее намерений, и цельность ее чувств. Пушкинский герой признается Татьяне: «Я знаю: век уж мой измерен / Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я...». Абай заставляет героя страдать и подробно описать свое состояние: «Менің өмірім таянып тұр, Үзілуге әм жаным» (Моя жизнь на исходе, и готова оборваться душа - подстрочный перевод). Таких мыслей нет у пушкинского Онегина. Абай же вставляет эту и другие самохарактеристики («Мен жаралы жолбарыспын, жұрттың атқан оғы өтіп» / Я раненый лев, пронзенный пулями людей – подстрочный перевод; «Сен тоты құс бақта жүрген...» / ты – павлин, гуляющий в саду... – подстрочный перевод) для реалистического обоснования поведения героя.

Следующей главы абаевского романа «Онегиннің өлердегі сөзі» / «Предсмертное слово Онегина», начинающееся со слов: «Жарым жақсы киім киіп...» / «Мой любимый, в красивом одеянии...»/ написано в 1889 году, состоит из 18 строк, которых нет у А.С. Пушкина. Онегин в начале романа и в конце его - это разные люди. Главный герой этой части абаевского романа - другой Онегин, изменившийся за время странствий, способный любить. Он теперь понимает, что не нашел себе места в этой жизни, и страдает от осознания этого:

Атам, анам, қара жер,

Сен аша бер қойыңды.

/подстрочный перевод: отец, мать, могила,/ открывай мне свои объятия/.

Он признается Татьяне, что она смогла рассудку сердце подчинить, выйти с честью из положения, ему же суждено одиночество, которому он предпочитает смерть: «Сенен басқа еш жерден / Таба алмадым орнымды (Я не смог найти нигде себе места, такого, как около тебя).

Писатель и переводчик с русского и немецкого языков на казахский Герольд Бельгер считает, что «тому, что сделал Абай при переводе избранных мест из «Е.О.», нет аналога в мировой литературе. В восьми отрывках из «Е.О.», выполненных Абаем в 1887-1889 годах (всего 376 строк),

изложены квинтэссенция пушкинского романа, его сущностная любовная линия в приспособлении, адаптации к казахской ментальности, к миропониманию и духоустройству казахского слушателя того времени, в извлечениях и трактовке основной канвы повествования, философии, образов и поступков героев романа с учетом духовного заряда и общественных запросов, требований той эпохи, той казахской среды, в которой жил и творил великий одиночка Абай».⁷⁴

Неслучайно с легкой руки Абая и под его руководством в казахской поэзии появилось еще несколько вариантов этого романа, созданных в жанра назира⁷⁵. Слушатели этих сюжетов воспринимали их как дастаны⁷⁶. Впервые вариант «Евгения Онегина» в виде дастана был напечатан в газете «Социалды Казакстан» 17 мая 1936 года. Публикацию открывала статья Есмагамбета Исмаилова «Пушкин в литературе казахского народа». Автором дастана был поэт, композитор Асет Найманбаев, один из талантливых учеников Абая⁷⁷. В 1937 году к столетию со дня гибели А.С. Пушкина в Казахстане появился трехтомник Пушкина на казахском языке. Второй том практически целиком был посвящен «Евгению Онегину». Он включал в себя полный перевод Ильяса Джансугурова, отрывки в переводах Абая, а также произведения, созданные по мотивам романа Куатом Терибаевым, Сапаргали Алимбетовым.

---

⁷⁴ Бельгер Г. Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. – Алматы: Галым, 2001. – С.75.

⁷⁵ Назира — форма литературного подражания, распространенная в литературах Востока. Новое произведение в жанре назира, как правило, сохраняет основную тему, размер, порядок рифмовки, а порой даже рифму оригинала.

⁷⁶ Дастан - эпическое произведение в фольклоре или литературе Востока. Обычно дастаны являются фольклорной или литературной обработкой героических мифов, легенд и сказочных сюжетов. Дастан излагается стихами, прозой или прозой со стихотворными вставками. При исполнении декламация обычно сопровождается музыкой. Стих поэтического дастана - 11-сложник и 7-8-сложник.

⁷⁷ Судьба известного казахского поэта, одного из талантливых учеников Абая Асета Найманбаева (1867 - 1922) сложна и драматична. Еще при жизни он прославился во всех трех казахских жузах благодаря певческому и композиторскому дару. Асет Найманбаев часто выступал на айтысах, тоях, ярмарках, исполнял песни известных композиторов - Биржан-сала, Ахана, Култумы, создал песни «Еркем-ай» («Шалунья моя»), «Каракоз» («Черноглазая»), несколько вариантов известных песен «Улкен Ардак», «Кіші Ардак», «Зулхия», сочинил изящную песню «Малике». Абай Кунанбаев восторгался мелодиями Асета и любил слушать песни в его исполнении. Творческое наследие Асета Найманбаева богато и разнообразно: стихи, айтысы, жоктау (плачи), сказания, поэмы, эпиграммы на баев, биев, волостных управителей, дастаны «Салиха-Самен», «Три девушки-сиротки», «Деревянный конь». По совету Абая сделал вольный перевод «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. В 1916 году он вместе с семьей эмигрировал в Китай.

Один из исследователей этого вопроса Мухтар Жангалин рассказывал автору статьи «Пушкин в литературе казахского народа» Есмагамбету Исмаилову, что «по традиции Абая один из его учеников Асет перевел роман Пушкина «Евгений Онегин» в виде народной поэмы и распространил в казахской степи. Возникновение со временем еще нескольких вариантов этой поэмы свидетельствует о том, что изображенные в великом произведении Пушкина жизнь и быт русского народа, идея свободы, лирика любви и дружбы, прекрасные картины русской природы были очень близки и понятны казахскому народу». Все три варианта имеют общий сюжет; характеристика пушкинских героев, развитие событий и их итог, самое главное, сведение в одно русло идеи произведения – находятся во взаимосвязи и гармонии, дополняют друг друга. И все они созданы в традиционном восточном стиле подражания и пересказа – «назира»⁷⁸.

Было немало причин, которые как никогда усилили интерес народных поэтов к роману Пушкина. Одна из них – новаторский характер содержания пушкинского сюжета. Во всех казахских и восточных любовных дастанах, как правило, влюбленный джигит всегда упорно добивался внимания девушки, терпел лишения, преодолевал немыслимые преграды, а когда молодые достигали своей цели, то погибали. А у А.С. Пушкина все было по-другому: девушка первой влюбляется в джигита, пишет ему страстное письмо, но получает отказ и т.д.

Популяризации пушкинского сюжета в казахской степи во многом содействовал Абай Кунанбаев, который своими переводами из русской классики, в первую очередь. Пушкина, подготовил почву для трансформации и трансплантации пушкинских героев на казахскую почву. Как признают без исключения все казахские исследователи творчества Абая Кунанбаева, он своевременно и точно уловил духовную потребность общества. И это несомненно результат его упорной учебы у русских классиков.

---

⁷⁸ Исмаилов Е.С. Пушкин в литературе казахского народа // Социалды Казакстан. - 1936. – 17 мая.

Литературовед Сауытбек Абдрахманов, автор научных монографий «Біздің Пушкин» (Астана, 1999), «Коран и Пушкин» (Астана, 2006), на протяжении многих лет занимается фольклорными вариантами романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на казахском языке. Летом 1961 года во время студенческой фольклорной экспедиции в Талды-Курганской области был записан народный дастан о пушкинских героях в 4 вариантах. Сауытбек Абдрахманов в своем исследовании «Біздің Пушкин» излагает историю возникновения фольклорного дастана, приводит высказывания исследователей и приходит к выводу о том, что все устные варианты восходят к поэме известного акына Асета Найманбаева «Онегин и Татьяна». В свою очередь, дастан А.Найманбаева появилась под влиянием «эпистолярного», по определению М.Ауэзова, романа Абая. Но Асет Найманбаев избрал другую форму передачи пушкинского сюжета, и в этом заключается новаторство его дастана⁷⁹.

Поэма Асета Найманбаева «Онегин и Татьяна» создана в традиционном для произведения устно-поэтического жанра и начинается с зачина:

Говори, пой без устали, мой язык,

Пока тело бодро, в спокойствии дух.

Перевел великого Пушкина роман,

Созданный им в родной России,

В 1823 году – напомним я вам.

В романе восемь частей, длинен стих,

Начну с Онегина – героя главного,

И расскажу здесь все своим языком,

Хоть далеко мне до гения Абая⁸⁰ /подстрочный перевод

С.Абдрахманова/.

Здесь налицо все элементы жанра назира: автор-исполнитель дастана упоминает время создания Пушкиным романа, особенности его структуры,

⁷⁹ Абдрахманов С.А. Біздің Пушкин. - Астана: Елорда, 1999.

⁸⁰ Цит. по кн.: Абдрахманов С.А. Біздің Пушкин. - Астана: Елорда, 1999. – 19 б.

стиха, говорит о своем намерении рассказать своим языком, настраивает аудиторию на восприятие увлекательного сюжета. Писатель Бексултан Нуржекеев, написавший обстоятельную вступительную статью к сочинениям Асета Найманбаева, считает, что конкретную помощь поэту мог оказать толмач по имени Абиш, переводчик при начальнике Лепсинского уезда. Этот человек, прекрасно владевший русской грамотой, досконально, всесторонне изложил ему всю суть пушкинского сюжета. Особенно это заметно по мастерской передаче самых утонченных нюансов в описании поступков героев, их чувств и переживаний⁸¹.

Оба исследователя утверждают, что изображение Онегина в дастане Асета оказало влияние на все другие народные варианты «Евгения Онегина». А у истоков, естественно, стоит трактовка Абая. «Когда Абай выбирает из «Евгения Онегина» те главы, в которых описана любовь двух молодых людей, и воспеваает это, следуя за Пушкиным, все же он передает события, изображает внутренний мир героев своим почерком. Верная любовь, страстное желание, чистые чувства любящих сердец, преданность – вот нравственные критерии человечности, которые должны быть присущи душевному состоянию влюбленных, о которых мечтает Абай», – писал Т. Алимкулов⁸².

Сюжет асетовского дастана в основном схож с абаевским переводом. Но более эпичен, в нем более развит повествовательный план., он более реалистичен, максимально приближен к реалиям казахского быта. Асет в своем дастане изображает Онегина как человека достаточно зрелого возраста: Онегину, когда он впервые встретил Татьяну, уже сорок шесть лет; он устал от жизни, пребывает в состоянии хандры. К письму-признанию Татьяны отнесся хладнокровно, равнодушно и сухо:

О, Татиш!

Мне сорок шесть, тебе восемнадцать,

---

⁸¹ Асет Найманбаев. Стихи, айтысы и дастаны (вступ. ст. Б. Нуржекеев; Примеч. Б. Абылкасимова. - Алма-Ата Жазушы, 1988. – с. 11.

⁸² Әлімқұлов Т. Жемісті жолда: Әдеби-сын мақалалар жинағы. - Алматы. - 1958. - 60 б.

Нас разделяет целый океан.
Найди себе равного, молодого мужа,
Веселись, радуйся прелестям жизни.
Я лишь внешне жив, не смотри на это,
Внутри же я – настоящий мертвец⁸³.

Далее атор пересказывает своими словами довольно увлекательно и красочно пушкинский сюжет. Татьяна замужем за «сыном одного министра». В Петербурге на балу появляется Онегин: «Собрался там почти весь бомонд,/Приглашена была столичная знать./И в самый разгар блестящего тоя / Появился в зале наш Онегин-герой». Он поражен переменами в судьбе Татьяны и открыто любит ее:

Складная речь, открыта, весела,
Как же она – Татьяна – умна, чиста.
Нельзя без восхищения слушать ее,
Объяснение героя в любви Татьяне также психологически оправдано и является ведущей сюжетной линией следующего эпизода:

Милая, склоняю голову пред тобой,
Не передать сейчас мою тоску.
Не ценил я, скрывать не буду,
Изумруда прелесть, красоту...
Несчастен я в этом мире,
Ни разу не познал радости миг.
Отныне верши мою судьбу,
Полна она горя – хватит на век⁸⁴.

Онегин признается, что «принял бесценное за дешевку,/ Горе мне, что холодно отнесся к вам./Оплошность свою лишь позже осознал,/Когда потерял священный талисман». Появление новой для пушкинского героя детали – талисмана является вполне допустимым приемом переводческой

⁸³ Абдрахманов С. Біздің Пушкин. - Астана: Елорда, 1999. – 22 б.

⁸⁴ Абдрахманов С. Біздің Пушкин. - Астана: Елорда, 1999. – 30 б.

трансформации: казахскому менталитету близок и понятен образ талисмана (тумара).

Далее Асет использует приемы салем-хата, то есть объяснение в любви Онегина и ответ Татьяны дает в виде писем-переписки. Такая форма признания в любви была общепринята и внелитературной среде. Известно, что девушки и юноши того времени переписывали и знали наизусть не только абаевские тексты такого рода, но и другие образцы любовных писем. Асет-дастаншы живописно передает всю гамму чувств страдающей Татьяны:

Чувствую, нет теперь никакой причины,
Да и неуместно отделаться молчанием.
Я, как бабочка, порхающая у костра...
Раньше надо было писать это письмо!».

Но, примечательно, что Асет Найманбаев далее предлагает свое «прочтение» поступков пушкинской героини. Вместо горького, но трезвого решения Татьяны: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна», – Татьяна в асетовском дастане поступает иначе. И в этом интрига этого фольклорного сюжета:

Слезы мои превратились в озеро,
Сама несчастна, безжизненна стезя.
Теперь же обратимся к суду истины,
В полдень жду вас завтра у себя.

Но Онегин явился к Татьяне утром и застаёт ее супруга дома. А Татьяна предлагает ему и Онегину решить ее судьбу:

Два года провела в ожидании,
Порой жизнь проклиная, белый свет.
И чтоб уйти от этого отчаяния,
Как бы полюбила вас – вот мой ответ.
Невольно приняла судьбы удар,
Кого-то выделить не в силах я.
Обоим отдан моей души жар,

Вам и решать, как спасти меня.
Герои, как и принято в высшем свете, выбирают дуэль:
Выстрелы прогремели на дуэли,
Словно решив судьбу ее любви.
Обе пули достигли своей цели,
И влюбленные рухнули в крови.
Следом закатилась и ее звезда,
Выстрелив в себя, тоже ушла навсегда⁸⁵.

Развязка дастанного сюжета трагическая, здесь Асет Найманбаев отдает дань восточной традиции (вспомним трагедии об Енлик и Кебек, Баян-сулу и Козы-Корпеш, Лейли и Меджнун и т.п.). В финале дастана погибают все три героя. Автор предлагает слушателю самому решить вопрос: «Кого из них достойна эта девушка? Читатель, сам рассуди и найди ответ», предлагает «открытую развязку», то есть отталкивается от предложенной Абаем трактовки Абая. Для Абая важно было то обстоятельство, что в романе действуют два Онегина, что повторная встреча героя с Татьяной преобразила героя. Ее отказ равносителен смерти. Пушкинский герой не в состоянии оправиться от душевной раны, обречен на страдания и одиночество. Но это несоотносимо с представлением о благородном герое, поэтому он должен «исчезнуть со сцены». Абаевская версия повлияла на все фольклорные варианты переводного пушкинского сюжета, которые можно с полным правом рассматривать как назирю абаевского текста.

2.5. Традиции русской классики в прозе Абая Кунанбаева

Не менее сильно влияние русской литературы на прозу Абая, вернее, на его «Ғақлия». Мухтар Ауэзов считал, что «трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести «Назидания». Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические

⁸⁵ Абдрахманов С. Біздің Пушкин. - Астана: Елорда, 1999. – 35 б.

высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной беседы со своим читателем, эти «Слова» прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью»⁸⁶. Ауэзов показал, для кого и с какой целью написаны Абаем сорок пять «Слов», представляющие собой рассуждения, «адресованные к слушателю собеседнику в форме устного обращения к нему с глазу на глаз». Абай хорошо знал своих собеседников, убеленных сединами аксакалов, прекрасных знатоков законов степи, впитавших в себя мудрые законы жизни и совершенно бесправных в этой новой реальности. Поэтому он избирает особый стиль повествования, при этом ориентируется на стиль мышления своих собеседников-слушателей, говорит на их языке. Симптоматично в этом плане заглавие этих «назиданий» (заглавие не принадлежит Абаю). Он назвал свои размышления «кара сөз», просто подчеркнул их внешнюю форму: в переводе оно означает прозу, в противовес которой существует «өлең», то есть лирика. Может, поэтому он дал непривычное для слуха простого казаха заглавие – «Ғақлия», подчеркнув восточные, в данной ситуации арабские корни. Казахские исследователи, в частности, Мекемтас Мырзахметов, видит в абаевских беседах традиции шешен-сөза /публичная ораторская речь/, толғау /философские раздумья/, айтыса /публичного поэтического состязания/.⁸⁷ С другой стороны, как утверждает исследователь А. Исамакова, в них можно обнаружить следы бесед и Монтеня, и Паскаля, и Грассиана, и Ларошфуко, и Ницше, и Шопенгауэра: «Как известно, философская мысль, помимо «классических» философских текстов в форме трактатов, реализовала себя в диалогах и поэмах, письмах и речах, в жизнеописаниях и памфлетах»⁸⁸. И далее она высказывает интересную мысль, что Абая с европейскими философами объединяет возможность «не заботясь о систематичности и полноте раскрытия темы, писать об

⁸⁶ Ауэзов М. Абай Кунанбаев: статьи и исследования. – Алма-Ата: Наука, 1967. – С. 91-116.

⁸⁷ Мырзахметов М. Абай журген ізбенен,- Алматы, 1985.- 172 б; Абаеведение / Библиографический указатель.- Алма-Ата, 1988,- 239 с.; Абайдын адамгершк мураттары.- Алматы, 1993. -280 б.; Мухтар Эуезов және абайтану проблемалары.- Алматы, 1982,- 292 б.

⁸⁸ Исамакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль. Алматы: Ғылым, 1998. – С. 102.

интересном для него, отвлекаться к частностям, фиксировать мысли как бы по случаю»⁸⁹.

В казахской письменной литературе до Абая никто не создавал такого рода синкретичные жанры, поэтому истоки «Гаклия» нужно искать у других писателей в других литературах и, в первую очередь, в русской. Абай, как и русские писатели первой половины 19 века, свято верил в силу воздействия своего слова. В первом слове «Гаклии» поэт пишет: «Прожита жизнь - спорил я, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного». Теперь он ищет другой путь, выбирает из множества занятий то, что будет полезным для души: «править мне народом», «умножать ли мне знания», «заняться исполнением обрядов религии», «заняться воспитанием детей» или «развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд все, что вздумается»⁹⁰. За девять лет, с 1890-го по 1898-ые годы, Абай написал сорок пять «Қара сөз / Слов». Трагедия Абая-философа и поэта в том, что он одинок в своем желании сказать истину о реальном положении дел в обществе. Но тем не менее он в «Словах» говорит еще раз о том же, о чем долго и безрезультатно пытался сказать в стихах. Мухтар Ауэзов считает, что «Слова» Абая отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью, «кара сөз» написаны поэтом, «мастерским, выразительным, образным языком». Поэтому их можно сопоставить с прозой другого русского поэта и писателя Ивана Бунина, который говорил, что «Свои стихи, кстати сказать, я не отграничиваю от своей прозы. И здесь, и там одна и та же ритмика – дело только в той или иной силе напряжения ее»⁹¹. Традиционно в этой небольшой по объему книге находят немало элементов популярного на Востоке жанра назидательного завещания, где мудрый правитель или

---

⁸⁹ Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль. Алматы: Ғылым, 1998. – С. 103.

⁹⁰ Абай. Первое слово // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

⁹¹ Письмо И.А.Бунина В. Л. Бурцеву, 17(30) сентября 1921 г.// Бунин И.А. Собр. Соч.в 9 т. – т.9. – М.: Художественная литература, 1967. – С.460.

философ, придя к концу своей жизни, обращается к бытию с высоты своего духовного опыта.

Но, с нашей точки зрения, Абаю хорошо было известно общее поле философии, он был в курсе и современных ему течений и идей, поэтому сумел при этом выработать свой оригинальный взгляд на окружающий мир, его историю, настоящее и будущее. И, конечно, все это восприятие шло через влияние на него русской литературы, а через нее и опыта европейской, что свидетельствует о высокой степени эрудиции казахского писателя.

«Откуда, когда вошли в кровь гордого степняка праздность и лень? Великие мудрецы давно заметили: каждый лентяй труслив и безволен; безвольный же человек всегда хвастлив; хвастливый, кроме трусливости, еще и глуп; а глупый всегда невежествен и бесчестен. Из бесчестных людей выходят жадные, неуживчивые и бездарные существа, никому не нужные на свете. Вот так получилось и с нами. И причиной этому – отстранение от земледелия, торговли, ремесла и науки»⁹² (Слово третье). «Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает сделанное своими руками, можно считать лучшим из казахов»⁹³ (Слово тридцать третье).

Исследователи отмечают еще одну особенность автора «Слов». Абаю важно подчеркнуть полную неизъяснимость, непостижимость, запредельность Бога. Это сближает его Соломоном, автором Екклесиаста. Как и Соломон, Абай, сомневаясь в житейских ценностях, никогда не сомневается в Боге. Но он не принимает суетливые человеческие попытки подступить к Богу и даже овладеть Им: «Люди стремятся к высшей справедливости и любви, и мудрым становится тот, кто искренне поверил и понял величие Аллаха. Именно искренне поверил, а не заставил себя уверовать в это. Сущность человека составляют любовь, справедливость и

⁹² Абай. Слово третье // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

⁹³ Абай. Слово тридцать третье // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

душевность. Люди не могут обходиться без этих начал. Просто в жизни не бывает случая, когда бы не участвовали они и не предрешали ту или иную человеческую судьбу. Таким создал Всевышний наш мир»⁹⁴.

Одной из ведущих тем назиданий является тема общественного строя и административного управления. В третьем, восьмом, двадцать втором, тридцать девятом, сорок первом, сорок втором «Слове» видно влияние на него демократических идей русских писателей Радищева и Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Тургенева и Толстого. Абай хорошо, в достаточной степени был знаком не только с их художественным творчеством, но и эстетическими и общественными взглядами, что нашло отражение в «Словах» в раскрытии тех или иных идей и положений, к примеру, в рассуждениях, связанных с формой правления в степи. В них идет речь об институте волостных правителей, избираемых на три года. Абай резко отрицательно говорит о волостных правителях и биях, сидящих на шее народа: «Кто же примет мудрый совет? Кто послушает наставления? Ни волостной старшина, ни бий меня не услышат... У них в голове своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов». «Уважать ли мне волостного старшину и бия? Но нет биев и старшин справедливых. А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения»⁹⁵. Абай разоблачал их злодеяния, ложь, обман и сплетни, говорит о ссорах и дразггах, взяточничестве, воровстве, подкупе и подхалимстве, процветающих в казахском обществе, и винит в этом власти.

Абай пытался на практике изменить реальное положение дел, он прекрасно знал систему административной власти в Казахстане, пытался воплотить в жизнь свою реформу выборов волостных правителей и биев. Его представление о волостном правителе как о человеке образованном, знающим несколько языков, в том числе и русский, было положено в основу

⁹⁴ Абай. Слово тридцать третье // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/> Абай.

⁹⁵ Абай. Слово двадцать второе // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/> Абай.

его концепции. Волостной должен избираться народом на долгий срок, защищать народ, развивать ремесла, просвещение. Для проведения такой реформы он предлагал отказаться от практики избрания судей и следователей из родовых биев, учредить институт третейских судей, которые вели бы следствие публично. Исследователи находят в этом переключку с идеями русских революционеров-демократов и Герцена.

Прорусскую ориентацию имеют «Слова», в которых содержатся рассуждения и наставления Абая об образовании, знании и воспитании. Поэт, воспитанный на традициях русской просветительской культуры, рассуждает о причинах и последствиях отсталости казахского народа в экономической жизни, в образовании, в науке и культуре, обвиняет в этом царских чиновников, волостных правителей, баев и биев, а также всех тупых, невежественных людей с рабской психологией.

В этом ракурсе значима тема образования для казахской молодежи. Абай на собственном примере доказывает необходимость обучения детей, советует неразумным родителям не тратить попусту богатство. Вкладывать его в обучение своих детей: «Без науки «нет блага ни на том, ни на этом свете». По мнению Абая, воспитание в детях хороших человеческих качеств связано с образованием и наукой. И в последнем «Сорок пятом слове» делает необходимое заключение: «Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, – тот мудрец, тот ученый, тот и обладает миром»⁹⁶.

Будущее народа и страны Абай связывает с детьми, которые получают достойное образование не только на казахском, но и на русском языке. «Надо создать школы, - писал он в «Сорок первом слове», - надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки. И вот тогда, когда молодежь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодежи, может быть, тогда казахи исправятся»⁹⁷. Большое значение он уделяет проблеме личного участия своих

⁹⁶ Абай. Слово сорок пятое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

⁹⁷ Абай. Слово сорок первое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

собеседников в воспитательном процессе своих детей, предлагает каждому родителю и старшему по возрасту в семье исправлять недостатки своих детей. «Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим»⁹⁸, – писал он в «Тридцать седьмом слове». И в этом также видно непосредственное влияние русских просветителей-педагогов, чьи книги он читал и изучал с интересом.

В рассматриваемом нами ракурсе большое значение имеет «Двадцать пятое слово», в котором Абай рассуждает о значении русской культуры и русской науки для просвещения казахского народа: «Главное – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство – все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру»⁹⁹. Он кратко и тезисно составляет программу для просвещения казахского народа, в основу которой лежит его идея о прогрессивном значении сложившейся дружбы казахов и русских в деле приобщения казахов к русской культуре. Рефреном звучит призыв изучать русский язык, русскую науку и культуру для того, чтобы принести пользу родному народу: «Не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заполнить все свое имущество»¹⁰⁰, что также говорит о близости Абая к представителям русской демократической мысли.

Интересна также трактовка Абаем темы труда. Абай в сорок втором, сорок третьем «Словах» отмечает: «Пристрастие казаха к дурному объясняется бездельем. Если бы он занимался хлебопашеством или торговлей, у него не оставалось бы и мало-мальски свободного времени на глупости». Далее автор рисует картину и плоды этого безделья. Он считает, что именно «безделье превратило казаха в бродягу. Выпросив у кого-нибудь на время лошаденку, он скитается из одного аула в другой, чтобы жить на дармовщину, или собирает сплетни, стараясь вовлечь людей в интриги и рассорить их, или же сам вместе с подобными себе строит другим козни.

⁹⁸ Абай. Слово тридцать седьмое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

⁹⁹ Абай. Слово двадцать пятое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

¹⁰⁰ Абай. Слово двадцать пятое // Абай. Книга Слов // <http://abai.norbekov.kz/Абай>.

Честный труженик посчитал бы такую жизнь «собачьей». Он осуждает привычный для простого казаха, ведущего кочевой образ жизни, способ времяпровождения. В качестве примера предлагает обращаться за помощью к тем, кто ведет оседлый образ жизни, то есть к русским, приученным к постоянному ведению хозяйства, к овладению ремеслом, к занятию земледелием, скотоводством. В развитии таких навыков он видит залог развития прогресса, успехов и достижений в области экономики и культуры: «Ум и знания - плоды труда» («Сорок третье слово»).

В последнее время как исследователи, так и рядовые читатели-билингвы, говорят, что название абаевских «Слов» - «Қара сөз» - не имеет адекватного перевода. На самом деле «Қара сөз» – дословный перевод – «черное слово» - можно толковать в нескольких значениях. Это и «прозаическое слово, или текст», и «Слово печали», и «Важные слова». Но все же ошибочно считать абаевские «Слова» только назиданием, ибо они лишены именно поучения, дидактики, назидательности. Абай разговаривает со своими собеседниками не в менторском, поучительном тоне. Автор - не пророк, не Учитель, он просветитель-демократ, впитавший в себя передовые идеи русских писателей, поэтому он печалится, видя несправедливость вокруг. И, как гуманист-просветитель, последовательный сторонник русской демократической традиции, последовательно развивает свой главный тезис. Для него вхождение в западный мир означало овладение передовыми знаниями и технологиями, для чего он считает необходимым овладеть русским языком. Как считает д.ф.н., проф Таханов С.Ш., первое и основное открытие Абая в «Словах» заключается в том, что он персонифицирует процесс национального становления казахов, открывает перед своими сородичами новые перспективы, в которой каждый может получить возможность осознать неповторимость и уникальность своей жизни¹⁰¹.

---

¹⁰¹ Тахан С.Ш. Концепция личности в «Словах–назиданиях» Абая и проблемы становления казахской прозы / Дні науки – 2006: .Матеріали ІІ Міжнародної науково - практичної конференції(17 – 28 квітня 2006 року). Том 19.-Філологічні науки.-Дніпропетровськ: Наука і освіта,2006.-С.52 – 57.

Личность автора-повествователя впервые в казахской литературе получила семантически емкую трактовку, что также можно объяснить влиянием русской прозы. Абай в своих словах поднимает философские проблемы о смысле жизни и смерти и подводит слушателей к мысли, что человек должен стремиться преодолеть смерть, превращение в ничто. Он провозглашает универсализм ума, поет славу мыслящей личности. Особенно настойчиво Абай акцентирует свое внимание на абстрактных категориях, внедрение которых в сознание соплеменников способствовало бы большей конкретизации границы между добром и злом. Из-за отсутствия у казахских поэтов, не обращавшихся к таким сложным категориям, позволяет нам говорить о довольно серьезной учебе Абая у русских классиков в разработке проблем философских. В «Слове четырнадцатом» Абай замечает, что у казахов «с понятием «сердце» ассоциируется в основном смелость в решительность - готовность к героическому поступку»¹⁰². Абая важно подчеркнуть место слова «сердце» в общечеловеческой шкале духовно-нравственных ценностей. На примерах он доказывает, что именно сердце, наделенное совестью, руководит поступками человека, заставляет его действовать.

Еще одна особенность поэтики «Слов», позволяющая говорить о близости их к традициям русской классики, - диалогичность. Во-первых, все три участника диалога: повествователь – автор – слушатель-собеседник определяют интонацию повествования. Автор предлагает тему. Понятную и близкую собеседнику. Причем он берет тему далеко не литературную или философскую, а ориентируется на своего собеседника, то есть слово для своих размышлений берет из «живого контекста» (термин А.Исмаковой). Оно проверено на практике, поэтому собеседник-слушатель хорошо представляет, о чем идет речь, и может выражать свою точку зрения, свое согласие или несогласие. Интересна также позиция повествователя. Его

---

¹⁰² Тахан С.Ш. Концепция личности в «Словах–назиданиях» Абая и проблемы становления казахской прозы / Дні науки – 2006: .Матеріали ІІ Міжнародної науково - практичної конференції(17 – 28 квітня 2006 року). Том 19.-Філологічні науки.-Дніпропетровськ: Наука і освіта,2006.-С.55.

интонация меняется в зависимости от темы, от предмета разговора: он размышляет, спорит, рассказывает, вспоминает, повествует и каждый раз выражает свою оригинальную точку зрения. Возникает своеобразная структура повествования, отработанная в русской прозе первой половины XIX века - в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и др. Также можно высказать предположение, что Абай наметил пути введения в структуру повествования полифонии. То есть многоголосия, что было основной чертой поэтики романов Ф.М. Достоевского. То есть все это говорит о творческом усвоении казахским писателем Абаем традиций русской прозы.

Известны три перевода на русский язык «Гаклия» Абая. Первые два были сделаны еще в советский период: в 1970 году казахским русскоязычным писателем Сатимжаном Санбаевым под названием «Слова назидания», в 1979 году известным московским писателем и литературоведом Б.Н. Шкловским «Назидания» и в 1990 году земляком Абая, проживающим ныне в Лондоне писателем Ролланом Сейсенбаевым, который совместно со своей женой филологом-переводчиком Кларой Серикбаевой издал новую редакцию перевода прозы Абая под названием «Книга слов».